

Даниэла Стил Клуб холостяков

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=173740

Даниэла Стил. Клуб холостяков: Эксмо; Москва; 2010

ISBN 5-699-17606-3

Оригинал: Danielle Steel, "Toxic Bachelors"

Перевод:

С. Б. Володина

Аннотация

У каждого из троих друзей – людей зрелых и вполне успешных – свои причины избегать уз брака. И они бдительно оберегают свое холостяцкое братство от всяческих посягательств, впрочем не лишая себя радостей жизни и женского внимания.

История «клуба холостяков», состоящая из трех отдельных, но тесно связанных между собой сюжетных линий, – в романе блистательной Даниэлы Стил.

Легкая, остроумная и изящная проверка правильности утверждения, что «все крепости когда-нибудь падут».

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	25
Глава 4	37
Глава 5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Даниэла Стил Клуб холостяков

*Он сказал, что всегда будет меня беречь.
Она сказала, что всегда будет меня любить.
Он сказал, что всегда будет моим спутником.
Она сказала, что всегда будет моим другом.
Он сказал, что всегда будет меня обнимать.
Она сказала, что всегда будет держать меня
за руку.
Он сказал, что всегда будет рядом со мной
по ночам.
Она сказала, что всегда будет говорить мне:
«Спокойной ночи».
Он сказал, что всегда будет меня любить.
Она сказала, что всегда будет моей.*

Донна Розенталь

Моим замечательным детям, Беатрис, Тревору, Тодду, Нику, Саманте, Виктории, Ванессе, Макс и Заре, чьей любовью, смехом, добротой и радостью озарена моя жизнь. Себастьяну, лучшему из всех рождественских подарков. Каждый из вас для меня – подарок судьбы. Не устаю благодарить Господа за то, что явил мне чудо вашей любви.

*С бесконечной любовью,
Д.С.*

Глава 1

Солнце пекло нещадно, заливая ослепительным светом палубу моторной яхты «Голубая луна». Изящная восьмидесятиметровая красавица длиной двести сорок футов, яхта была выдающимся творением дизайнерской мысли. Бассейн, вертолетная площадка, шесть элегантных, комфортабельных гостевых кают, словно сошедший с киноэкрана хозяйский люкс и вымуштрованная команда в составе шестнадцати человек. «Голубая луна» и, конечно, ее владелец красовались во всех мировых журналах для яхтсменов. Чарльз Самнер Харрингтон купил ее у саудовского принца шесть лет назад. А свою первую яхту, семидесятипятифутовую, он приобрел в возрасте двадцати двух лет. Она называлась «Мечта». Сейчас, спустя двадцать четыре года, он, как и тогда, наслаждался пребыванием на борту собственного роскошного судна.

Сорокашестилетний Чарльз Харрингтон считал себя везучим человеком. И действительно, жизнь его протекала без видимых осложнений. В двадцать один год он унаследовал гигантское состояние и на протяжении вот уже четверти века распоряжался им весьма рачительно. Он управлял собственными инвестициями и семейным фондом. Чарли прекрасно отдавал себе отчет, что мало кому на этом свете так везет, как ему, и много делал для того, чтобы облегчить участь менее удачливых собратьев – и через фонд, и лично. Он ощущал в полной мере огромную ответственность, лежащую на нем, и ставил интересы других выше всего. Объектом его особого внимания были нуждающиеся молодые люди и дети. Фонд вел большую работу в сфере образования, оплачивал медицинские услуги неимущим, в особенности в развивающихся странах, и много делал для борьбы против жестокого обращения с детьми в бедных городских районах. Чарльз Харрингтон был заметной общественной фигурой в своем районе, а свою благотворительность никак не рекламировал и занимался ею в основном через фонд, а иногда и анонимно. Чарльз Харрингтон был филантроп по призванию, в высшей степени равнодушный и сознательный человек. В то же время он не скрывал своих сибаритских наклонностей, в которых всегда признавался со смехом, но никогда не искал себе оправданий. Он мог себе это позволить. Он из года в год тратил миллионы на благо других, причем в большой мере – из своих собственных денег. Он так и не женился и не обзавелся детьми, наслаждался своей безбедной жизнью и, по возможности, делил ее со своими друзьями.

Каждый год, независимо ни от чего, Чарли и двое его ближайших друзей, Адам Вайс и Грей Хоук, проводили август у него на яхте. Они бороздили Средиземное море и вставали на якорь там, где хотели. Это был их излюбленный отдых на протяжении десяти лет. Все трое с нетерпением его ждали и шли ради него на любые жертвы. Каждый год первого августа Адам и Грей прилетали в Ниццу и на целый месяц поселялись на «Голубой луне», точно так же, как раньше – на ее предшественнице. Обычно Чарли проводил на борту и июль тоже, иногда он не появлялся в Нью-Йорке до середины, а то и до конца сентября. Всеми делами фонда и различного рода финансовыми операциями он прекрасно управлял отсюда. Но август был предназначен только для отдыха. Так было и в этом году. Чарли блаженствовал на корме, неспешно вкушал завтрак, а яхта мягко покачивалась на якоре неподалеку от порта Сен-Тропе. Накануне выдался бурный вечерок, и на борт приятели вернулись только в четыре.

Несмотря на это, Чарли ни свет ни заря был уже на ногах. По правде сказать, воспоминания о вчерашнем вечере у него были весьма смутные. С Адамом и Греем так всегда. Когда они собираются вместе, то превращаются в буйную компанию, правда, их веселье проходит без ущерба для окружающих. Оправдываться им было не перед кем, все трое были не женаты. А на данный момент и постоянной девушки ни у одного из них не было. Между ними существовал уговор: независимо от обстоятельств на борт яхты они являются без жен-

щин и проводят месяц как холостяки, наслаждаясь полной свободой в мужской компании. А после отпуска все трое погружаются в дела. У каждого была своя нива: у Чарли – благотворительность, у Адама – юриспруденция, у Грея – искусство. Чарли любил приговаривать, что за год работы месяц свободы от дел они заслужили.

Двое из их тройцы были холостяками по убеждению. Чарли же уверял, что к нему это не относится. По его словам, его ситуация – чистая случайность, простое невезение. Он уверял, что хочет жениться, но пока, несмотря на многолетние поиски, не нашел себе достойной спутницы жизни. Впрочем, он не оставил надежды и продолжал искать со свойственной ему дотошностью и упорством. Он успел четырежды побывать в положении жениха, правда, это было давно. И всякий раз случалось нечто, из-за чего свадьбу приходилось отменять, к его сожалению и досаде.

Первая невеста переспала с его лучшим другом за три дня до свадьбы. Для него это стало настоящим потрясением. И конечно, свадьбу пришлось отменить. Ему тогда было тридцать лет. Вторая невеста после помолвки получила приглашение на работу в Лондоне. Он прилежно летал к ней, пока она вкалывала на британский «Вог» с таким рвением, что у нее не оставалось времени побыть с ним, а он терпеливо ждал ее в квартире, которую снял специально для встреч с любимой девушкой. До свадьбы оставалось два месяца, когда она призналась, что не представляет себе, как, став его женой, бросит работу, что для Чарли было само собой разумеющимся. Он был убежден, что жена должна сидеть дома и заниматься детьми. Жениться на женщине, делающей карьеру, ему совсем не хотелось, и они решили расстаться – разумеется, полюбовно, но к его великому разочарованию. Тридцатидвухлетний Чарли все еще был преисполнен решимости найти женщину своей мечты. Минул год, и он вновь уверовал, что это наконец произошло. Следующая его избранница была необыкновенная девушка, а главное – готовая ради него бросить учебу в медицинском. Они вместе ездили в Южную Америку, совершали поездки по делам фонда, колесили по развивающимся странам, где помогали обездоленным детям. У них было много общего, и через полгода знакомства они приняли решение пожениться. Все шло хорошо, пока не стало ясно, что невеста не мыслит себя отдельно от своей сестры-двойняшки и намерена повсюду таскать ее за собой. У него же с этой сестрой возникла стойкая взаимная неприязнь, и не было дня, чтобы они не ссорились до изнеможения. У Чарли не оставалось сомнений, что эту неприязнь им не удастся преодолеть. Как бы они ни старались, она будет только множиться и крепнуть. И он решил разорвать помолвку, его невеста согласилась. Она слишком дорожила своей сестрой, чтобы выходить замуж за мужчину, который так активно ее невзлюбил. Через год она вышла замуж за другого, ее сестра стала жить вместе с ними, что убедило Чарли в его правоте. Последняя помолвка тоже закончилась неудачно, это было пять лет назад. Она утверждала, что любит Чарли, но принципиально не хочет иметь детей. При всей своей любви, в этом вопросе его подруга не собиралась уступать ни на йоту. Сначала Чарли надеялся, что сумеет ее разубедить, но этого не произошло, и они расстались друзьями. Чарли вообще всегда расставался со своими возлюбленными полюбовно. Со всеми, с кем встречался, он умудрялся оставаться в самых теплых отношениях. На Рождество его засыпали поздравительными открытками и фотографиями женщины, с которыми он когда-то был близок. Многие из них давно уже были замужем. Если посмотреть на их семейные фотографии, все они были очень похожи. Красивые, светловолосые, образованные женщины из аристократических семей, которые учились в самых лучших учебных заведениях и нашли себе самых достойных мужей. Со своих рождественских снимков они ему улыбались, стоя рядом со своими преуспевающими супругами и симпатичными отпрысками. Со многими своими бывшими подругами Чарли продолжал поддерживать отношения, они его обожали и вспоминали с большой теплотой.

Его друзья Адам и Грей неустанно советовали отступить от дебютанток и светских дам и найти себе «настоящую» – каждый вкладывал в это понятие свой смысл. Но Чарли точно знал, что ему нужно. Родовитая, богатая, образованная и умная женщина, которая разделяла бы его идеалы и была бы ему ровней по происхождению. Последнему обстоятельству он придавал особое значение. Его британские корни прослеживались с пятнадцатого века, состояние приумножалось на протяжении нескольких поколений, и, как у его отца и деда, за спиной у Чарли был Принстон. Его мать училась в Колледже мисс Портер, одном из самых престижных в Америке, а потом в Англии, как и его сестра. Такой же он хотел видеть и будущую жену. Это был подход, не лишенный снобизма, но Чарли твердо знал, что ему нужно. Сам он был во многом человек старомодный и разделял традиционные ценности. В политике придерживался консервативных взглядов, в своем кругу пользовался уважением, а если когда и позволял себе расслабиться, то делал это достойно. Чарли был до мозга костей джентльмен, человек стиля и большой порядочности. Внимательный к окружающим, любезный, щедрый и доброжелательный. Безупречные манеры. Женщины его обожали, мужчины с ним считались. Он уже давно слыл завидным женихом для всей женской половины Нью-Йорка и тех мест, где путешествовал и имел друзей. Все искренне любили Чарли, и это было заслуженно.

Для любой женщины выйти замуж за Чарльза Харрингтона было бы редкой удачей. Но, подобно прекрасному принцу из сказки, он бродил по свету в поисках той единственной, что могла бы составить его счастье. Знакомился с очаровательными женщинами, казавшимися такими восхитительно-прекрасными, а потом всякий раз всплывал некий роковой изъян, заставлявший его отказаться от похода к алтарю. И для него, и для его избранниц это было великим разочарованием. Каждый раз его планы создать семью и обзавестись детьми рушились в самый последний момент. И в сорок шесть лет Чарли все еще оставался холостяком, хотя, как он говорил, и не по своей воле. Но где же она, идеальная женщина наших дней? Чарли был по-прежнему преисполнен решимости ее отыскать и был убежден, что это ему когда-нибудь удастся. Вот только когда? Сколько, казалось бы, идеальных кандидаток вокруг него ни вилось, он всегда умел разглядеть их недостатки. Единственным его утешением было то, что пока ему удавалось избежать брака с «не той» женщиной. Он был тверд в своем намерении этого не допустить и благодарен судьбе, что она до сих пор хранила его от неудачного брака. В отношении женских несовершенств он всегда был бдителен и непреклонен. Он знал, что его единственная существует, просто он ее пока не нашел. Но когда-нибудь непременно найдет!

Чарли сидел с закрытыми глазами, подставив лицо солнцу. Его обслуживали две официантки. Сейчас ему была предложена вторая чашка кофе. Накануне он выпил шампанское, потом несколько бокалов мартини, но утром успел поплавать и сейчас чувствовал себя лучше. Он был превосходный пловец и серфингист. В Принстоне он даже был капитаном команды по плаванию. Несмотря на возраст, он не утратил любви к спорту. С энтузиазмом гонял на горных лыжах, зимой при каждой возможности играл в сквош, а летом – в теннис. Благодаря этому он не только мог похвастать отменным здоровьем, но и имел фигуру юноши. Чарли был на редкость привлекательным мужчиной, высокий, поджарый, голубые глаза, русые волосы, а пробивающаяся седина еще почти незаметна. Сейчас, после месяца на море, он мог похвастать красивым ровным загаром. Идеальный мужчина!

Его мать была настоящей красавицей, а сестра в студенческие годы блистала в теннисе, пока не бросила учебу, чтобы посвятить себя брату: их родители погибли, разбившись на машине во время отпуска в Италии. Чарли тогда было шестнадцать, сестре – двадцать один год. Она бросила первый курс престижнейшего колледжа Вассар, вернулась домой и взяла на себя заботы о семье, где неожиданно осталась за старшую. При мысли о сестре у Чарли до сих пор наворачивались слезы. Элен тогда сказала, что через два года, когда он поступит

в колледж, она возобновит учебу. Она с готовностью пошла ради него на эту жертву. Элен была необыкновенная женщина, Чарли ее боготворил. Но когда пришло время отправляться в колледж Чарли, сестра уже была тяжело больна, хотя брату ничего не говорила. Почти три года она скрывала от него серьезность положения. Говорила, что не поедет учиться из-за занятости в фонде, а он и поверил. На самом деле у Элен была опухоль мозга, и она героически боролась со своей болезнью. Из-за расположения опухоль с самого начала была признана неоперабельной. В возрасте двадцати шести лет Элен умерла, не дожив всего нескольких месяцев до его выпуска из Принстона. К нему даже некому было прийти на вручение диплома. Лишившись родителей и сестры, Чарли остался один на всем белом свете, с огромным состоянием и чувством ответственности за все, что он унаследовал от семьи. Вскоре после получения диплома он купил свой первый парусник и на протяжении двух лет плывал кругосветку. Не проходило дня, чтобы он не думал о сестре и о том, скольким ей обязан. Ведь это ради него она бросила учебу и, как и родители при жизни, во всем поддерживала его до своего последнего вздоха. Жизнь в семье Харрингтонов всегда строилась на взаимопонимании и любви. Одно в жизни Чарли сложилось не так, как должно было, – все дорогие ему люди слишком рано его оставили. И теперь он больше всего боялся полюбить и вновь потерять близкого человека.

Из кругосветного плавания он вернулся в двадцать четыре года. Поступил в Бизнес-школу Колумбийского университета, получил диплом МБА, научился успешно управлять своим фондом и распоряжаться инвестициями. Он быстро повзрослел и узнал цену ответственности за жизни тех, кто от него зависел. Чарли никогда и никого не подводил. Он знал, что лишился сестры и родителей по воле рока, но факт оставался фактом: в весьма юном возрасте он оказался один на всем белом свете, без единой родной души и с огромным состоянием. И еще у него было несколько верных друзей. Однако он понимал, что без любимой женщины чего-то очень важного в жизни ему всегда будет не хватать. Но он непременно хотел связать свою судьбу с женщиной, отвечающей его представлениям о достойной спутнице жизни – то есть такой, которая была бы похожа на Элен и на их мать и так же была бы верна ему до последнего часа. Он не признавался даже себе в том, что без близких в этом мире ему было бесконечно одиноко и даже страшно. Его родные покинули его, но так уж распорядилась жестокая судьба. И Чарли казалось особенно важным найти достойную спутницу жизни, ту, на которую можно было бы положиться, которая стала бы хорошей матерью его детям, одним словом – идеальную. На меньшее он был не согласен. И ради такой женщины он был готов ждать.

* * *

– О господи! – раздалось где-то сзади.

Чарли рассмеялся, открыл глаза и обернулся. Адам, в белых шортах и светло-голубой футболке, подошел и тяжело плюхнулся в кресло напротив. Официантка налила ему крепкого кофе, Адам сделал несколько глотков и только тогда подал голос:

– Что за гадость я вчера пил? Меня, кажется, отравили.

У Адама были темные волосы и почти черные глаза. Бритьем сегодня он себя не утруждал. Среднего роста, широкоплечий, с тяжелыми чертами лица, он не был так привлекателен, как Чарли, но отличался острым умом, чувством юмора, обаянием, чем и покорял женские сердца. Не обладая внешностью киногероя, он брал головой, влиянием и деньгами. За последние годы Адам значительно упрочил свое положение.

– По-моему, ты, кроме рома и текилы, ничего не пил, правда, за ужином была еще бутылка вина.

Накануне они ужинали на яхте и пили великолепное бордо «Шато О'Брион», после чего отправились в город обследовать бары и дискотеки. Чарли, конечно, не рассчитывал встретить там женщину своей мечты, но провести весело время в этих заведениях определенно было с кем.

– И еще мне перед уходом показалось, ты перешел на бренди.

– Так я и думал! Это все ром виноват. Каждый год на твоей яхте я превращаюсь в алкоголика. Если бы я столько пил дома, меня бы давно вышибли из бизнеса. – Адам Вайс прищурился на солнце, нацепил темные очки и улыбнулся. – Ты, Чарли, на меня плохо влияешь. Зато тебе не откажешь в гостеприимстве. В котором часу я заявился?

– Кажется, в районе пяти. – В голосе Чарли не слышалось ни одобрения, ни порицания. Он не судья своим друзьям. Для него главное – чтобы им было весело, и это всегда удается. Адам с Греем были его самыми близкими друзьями, их связывала привязанность, выходящая далеко за рамки простой дружбы. Они были как трое братьев, за последние десять лет наблюдали друг друга в самых разных ситуациях и знали друг о друге все.

Адам познакомился с Чарли почти сразу после развода. Со своей женой Рэчел Адам был знаком еще со второго курса Гарварда, где они вместе учились на юридическом. Рэчел получила диплом с отличием и была допущена к собственной практике. Но адвокатом так и не стала. Адам получил практику со второй попытки, и со временем из него вышел превосходный адвокат. И вполне преуспевающий. Он пошел работать в фирму, специализирующуюся на оказании юридических услуг рок-звездам и спортсменам первой величины. Адам обожал свою работу. На следующий день после выпуска они с Рэчел расписались, к радости родителей, которые были знакомы, так как жили в одном районе на Лонг-Айленде. Несмотря на дружбу родителей, Адам и Рэчел до университета знакомы не были. Адам всегда противился знакомствам с дочерьми родительских приятелей и Рэчел выбрал сам. Она казалась ему идеальной спутницей.

У них было много общего и безоблачное будущее впереди. Уже в медовый месяц Рэчел забеременела и за два года родила Адаму двоих детей. Сейчас Аманде и Джекобу было четырнадцать и тринадцать. Брак просуществовал пять лет. Адам был вечно занят на работе, делал карьеру и мог иногда вернуться домой в три ночи, после концертов или соревнований с участием своих клиентов и их друзей. Но, несмотря на искушения со всех сторон – а таких было множество, – он хранил верность Рэчел. Она же, устав от вечного ожидания и одиночества, влюбилась в детского врача, с которым была знакома еще со школы, и, пока Адам в поте лица зарабатывал для семьи деньги, завела бурный роман. За три месяца до развода Адам стал в своей фирме партнером, и Рэчел объявила ему о своем решении, сказав, что он не пропадет. Она забрала детей, мебель, половину сбережений и, едва дождавшись, когда высохнут чернила на бракоразводных бумагах, вышла за своего педиатра. С тех пор прошло десять лет, но Адам до сих пор не изжил в себе обиду и, разговаривая с бывшей женой, с трудом мог сдерживать эмоции. С тех пор он и зарекся жениться, опасаясь повторения неудачного опыта.

За прошедшие годы Адам неоднократно знакомился с женщинами, но во избежание серьезной привязанности выбирал себе молоденьких дурочек – по принципу «лет меньше вдвое, а мозгов – вдесятеро». В той среде, где он работал, в таких недостатка не было. В сорок один год он встречался с девушками от двадцати одного до двадцати пяти: манекенщицами, начинающими актрисами, поклонницами – одним словом, с теми, кто всегда вьется вокруг спортсменов и рок-звезд. В половине случаев он даже не помнил их имен. Со всеми женщинами Адам был честен и щедр. Он сразу объявлял, что вообще не собирается жениться, а с ними просто проводит время. Ни с одной он не встречался дольше месяца, да и то в лучшем случае. Он ограничивался тем, что несколько раз выводил их в ресторан, вел в постель – и прости-поощай. Его сердце унесла с собой Рэчел – и бросила в сточную канаву. Теперь он

общался с ней лишь по необходимости, а это, по мере того как выросли дети, случалось все реже и реже. В большинстве случаев отправлял ей немногословные послания по электронной почте либо поручал договариваться своей секретарше. Ему не хотелось иметь с ней ничего общего. И заводить серьезные отношения с кем-то еще тоже не хотелось. Адам ценил свободу, и ничто на свете не заставило бы его поступиться ею вновь.

Его мать наконец перестала сетовать на его одиночество – или почти перестала; во всяком случае, прекратила знакомить его с «хорошими девушками». Адам имел ровно то, что хотел, – непрекращающуюся череду подружек, чтобы скрасить одиночество. Для разговора по душам у него были друзья. Женщины, считал он, существуют для секса и удовольствия, и держать их надо на расстоянии. Он не имел желания вновь увлечься и остаться с разбитым сердцем. В отличие от Чарли никакой идеальной женщины он не искал. Ему нужна была лишь подходящая партнерша по сексу, причем на время, в идеале – на пару недель, и он не отступал от этого правила. Адам не признавал глубоких привязанностей. Он относился серьезно лишь к своим детям, работе и друзьям. А женщин он друзьями не считал. Рэчел была его заклятым врагом, мать он переносил с трудом, сестра была занудой, а подружки – практически чужие люди. В большинстве случаев ему было приятнее, надежнее и удобнее с мужчинами. Особенно с Чарли и Греем.

– Ну я вчера и оторвался! – усмехнулся Адам. – Последнее, что помню, – это как танцевал с какими-то бразильянками, из которых ни одна не говорила по-английски. Зато как они двигаются, старик! Я отплясывал самбу до умопомрачения. И, кажется, выпил шестьсот коктейлей. Девочки были неотразимы!

– Ты тоже.

Чарли расхохотался, и оба подставили лица солнцу, с наслаждением ощущая на коже теплые лучи. Адам даже забыл о своем похмелье. Как адвокат он в последнее время был нарасхват, постоянно пребывал в цейтноте, не расставался с тремя мобильными телефонами и пейджером и проводил все свое время либо в переговорах, либо в самолете, спеша на другие переговоры. Среди его клиентов числились несколько больших знаменитостей, которые с завидным постоянством попадали в разные неприятные истории, но Адам любил свое дело и всегда проявлял по отношению к клиентам завидное терпение. Но на людей близких его терпения не хватало, за исключением разве что детей, которые для него были всем. Аманда и Джекоб – вот кто действительно были светлым пятном в его жизни.

– Кажется, я двоим назначил на сегодня свидание, – продолжал Адам, с улыбкой вспоминая бразильских красоток. – Они ни слова не поняли. Надо будет сегодня опять туда заглянуть, вдруг они там будут.

После второй чашки кофе Адам начал оживать, и тут появился Грей, в темных очках, с взъерошенными седыми волосами. Он частенько ходил с такой «прической», но сегодня она казалась вполне уместной. Грей со стоном опустился в кресло. На нем были плавки и футболка – стиральная, но в пятнах краски.

– Старость не радость, – проворчал он, с благодарностью принимая чашку кофе и открывая бутылочку «Унтерберга». Горьковатый ликер несколько успокоил желудок после вчерашних излишеств. В отличие от приятелей Грей не мог похвастать отличной формой. Долговязый и худой, он был похож на дистрофика. Грей в детстве вполне мог быть изображен на плакате, призывающем помочь голодающим детям. Он и теперь был необычайно худ. Грей был художником, жил в нью-йоркском районе Уэст-Виллидж и увлеченно работал над своими причудливыми и завораживающими картинами. Ему, хотя и не без труда, удавалось сводить концы с концами, хотя в последнее время он продавал всего по паре полотен в год. Как и Чарли, он никогда не был женат и не имел детей. В мире искусства он пользовался уважением, но не добился коммерческого успеха. Его самого это не трогало. Деньги для него ровным счетом ничего не значили. Грей любил говорить, что для него главное – это

искренность в искусстве. Он предложил друзьям выпить ликера, но те только поморщились и затрясли головами.

– Как ты можешь пить эту гадость? – удивился Адам и сморщил нос. – Он, конечно, помогает, но я уж лучше помучаюсь головной болью.

– Отличная вещь! Безотказная. Если будем и дальше так пить, вам придется поставить мне капельницу с ликером. Вечно забываю о том, как буду мучиться утром. Нам не пора записываться в «Анонимные алкоголики»? – Грей осушил свой «Унтерберг», выпил кофе и приступил к яичнице.

– Обычно такое бывает во вторую неделю, но не в первую, – рассмеялся Чарли.

Он обожал своих друзей. Как правило, первые несколько дней у них всегда проходили в излишествах, но потом возвращалась привычная умеренность. Вообще-то все было не настолько страшно, как представляли сейчас его приятели, хотя накануне они действительно изрядно выпили и повеселились – танцевали с незнакомыми женщинами, смотрели, как веселятся другие, а главным образом – наслаждались обществом друг друга. Чарли предвкушал чудесный месяц. Это был для него любимый месяц в году, да и у его друзей тоже. Они начинали готовиться к нему заранее, а потом еще долго вспоминали свой замечательный отдых. Так они отдыхали, наверное, уже раз десять, и всякий раз, оказываясь вместе, они весело хохотали, вспоминая свои приключения.

– Что-то мы в этом году взяли с места в карьер. У меня уже печень на последнем издыхании. Я ее даже чувствую, – с озабоченным видом пожаловался Грей, расправляясь с яичницей и тостом в надежде успокоить желудок. Голова у него раскалывалась. Но «Унтерберг» возымел свое действие. Адам и под пыткой не смог бы впихнуть в себя такой завтрак. А вот Грей регулярно употреблял горькие настойки, и эффект был. И, к счастью, ни один из троих не страдал морской болезнью. – Я старше вас обоих. Если мы не сбавим темп, это меня убьет. Или танцы dokonают. Черт, что-то я совсем не в форме.

Грею только что стукнуло пятьдесят, и выглядел он заметно старше своих друзей. Чарли в свои сорок шесть сохранил что-то мальчишеское, отчего казался лет на пять, а то и десять моложе, а Адаму было только сорок один, и он пребывал в отличной форме. В любой точке земного шара и при любом объеме дел он каждый день истово занимался на тренажерах. Он уверял, что только так может справиться со стрессами. Грей же никогда собой не занимался, спал мало, ел еще меньше и, как и Адам, жил работой. Часами стоял у мольберта. Думал, мечтал и дышал одним искусством. Он был ненамного старше друзей, но выглядел на свои годы, главным образом из-за копны вечно торчащих седых волос. Женщины, с которыми он встречался, находили его привлекательным и нежным, по крайней мере вначале, но потом оставляли его.

В отличие от Чарли и Адама, женщины его не волновали, и Грей не предпринимал никаких усилий, чтобы изменить свою холостяцкую жизнь. Он существовал в своем собственном мире, и женщины находили его сами, как почтовые голуби. Он, как магнит, притягивал к себе женщин, которых Адам называл психопатками. С чем, правда, сам Грей никогда не соглашался. Все его подруги либо только что закончили курс лечения, либо были на подходе. И почти каждая имела несчастье связаться с типом, который, выставив женщину на улицу, продолжал ей докучать своими звонками. Грею всегда удавалось их спасти, и независимо от их внешних данных он давал им кров – «хотя бы на две-три недельки, чтобы они встали на ноги». До постели, как правило, доходило много позже. На ноги-то они в конце концов вставали, только не на свои, а на его. Он крутился, как белка в колесе, занимался для них готовкой, уборкой, заботился о них, искал им врачей и психотерапевтов, устраивал в реабилитационные центры либо сам пытался спасти их от пьянства. Подбрасывал им деньги, а сам едва сводил концы с концами. Они находили у него безопасное пристанище, доброту и утешение, он отдавал им всего себя – но при одном условии: если у них не было

детей. С детьми Грей общаться не умел. Они приводили его в ужас, причем так было всегда. Дети служили напоминанием о его непростом детстве, а вспоминать о нем Грею не хотелось. Общение с детьми или с семьями, имеющими детей, лишний раз напоминало ему, насколько ущербной была жизнь его собственных родителей.

Женщины, с которыми Грей знакомился, поначалу не производили впечатление неблагодарных тварей и даже уверяли, что всю жизнь будут ему признательны. Они были классические неумехи, как правило, истерички, и в их жизни царила полная неразбериха. Его романы длились от месяца до года. Грей устраивал своих женщин на работу, приводил в порядок, представлял людям, готовым помочь, и всякий раз они либо оказывались в клинике или психушке, либо уходили от него к кому-то другому. У него никогда не возникало желания жениться, но появлялась привязанность, и, когда спустя некоторое время они уходили, он испытывал разочарование. Правда, ненадолго. Для Грея это не было неожиданностью. Такая уж у него была натура – заботиться о других, и, как всякий нежный отец, он был внутренне готов к тому, что птенцы рано или поздно вылетят из гнезда. Только всякий раз, к его великому недоумению, это обретало какие-то неуклюжие и болезненные формы. Женщины редко уходили из его жизни с тактом и изяществом. Они крали его вещи, закатывали шумные ссоры, так что соседи вызывали полицию, будь у него машина – они бы и шины ему прокалывали; вышвыривали в окно вещи либо учиняли такой скандал, что ему делалось и неловко, и обидно. Он не слышал от них ни слова благодарности – за то, что тратил на них свое время, деньги и душевное тепло. И в конечном итоге очередное расставание вызывало у него облегчение. В отличие от Адама и Чарли, молоденькие девушки его никогда не интересовали. Его больше привлекали женщины за сорок и непременно с серьезными психическими отклонениями. Грей говорил, ему импонирует их беззащитность, он испытывал к ним глубокую жалость. Адам советовал ему предложить свои услуги Красному Кресту или какому-нибудь центру экстренной психологической помощи, где он мог бы до конца реализовать свои душевные наклонности, вместо того чтобы превращать свою жизнь в бесконечное спасение психически неуравновешенных женщин среднего возраста.

– Ничего не могу с собой поделать, – смущенно оправдывался Грей. – Мне всегда кажется, что, кроме меня, им помощи ждать неоткуда.

– Вот-вот. Тебе еще везет, что никто из этих психованных тебя до сих пор не зарезал во сне.

Сказать по правде, одна такая попытка была, но, к счастью, неудачная. Греем владело непреодолимое желание спасти мир, а особенно – страдающих женщин. Кончалось же все тем, что почти все те женщины, с кем он встречался, бросали его ради других мужчин. И стоило очередной пассии уйти, как появлялась следующая, причем тоже в состоянии глубокого отчаяния. Вся его жизнь мгновенно в очередной раз переворачивалась с ног на голову. Это были американские горки, к которым он уже давно привык. По-другому он никогда и не жил.

В отличие от Чарли и Адама, чьи родители вели респектабельный и консервативный образ жизни (у Адама – на Лонг-Айленде, а у Чарли – на Пятой авеню), Грей, когда рос, где только не побывал. Его усыновила при рождении супружеская пара, входившая в состав одной из самых знаменитых на тот момент рок-групп. Он воспитывался – если это так можно назвать – среди величайших рок-музыкантов своего времени, которые уже лет с восьми норовили угостить его то косячком, то пивком. У его родителей была и приемная дочь. Сына они назвали Грей, а дочку – Спэрроу. Вместе получалось что-то вроде Серого Воробышка. Когда Грею было десять, мама с папой «переродились» и ушли с эстрады. Они отправились в Индию, затем в Непал, пожили на Карибах и четыре года провели на Амазонке, где их домом стала обыкновенная пирога. От того времени у Грея остались воспоминания о страшной нищете, свидетелями которой они были, о туземцах, с которыми встречались. Наркотики он

тоже помнил. Его сестра потом стала буддистской монахиней, вернулась в Индию и отдала себя служению голодающим в Калькутте. Сам Грей в восемнадцать лет сошел с лодки – в буквальном и фигуральном смысле – и уехал в Нью-Йорк, чтобы посвятить себя искусству. У родителей тогда еще водились деньги, но он решил испытать себя в самостоятельной жизни и провел несколько лет, обучаясь живописи в Париже, после чего вернулся в Нью-Йорк.

К тому времени родители перебрались в Санта-Фе, а когда Грею исполнилось двадцать пять, они усыновили мальчика из племени навахо и назвали его Бой. К Серому Воробышку прибавился Мальчик. Усыновление было сопряжено с определенными трудностями, но в конце концов племя согласилось отдать ребенка. Грею он казался симпатичным мальчишкой, но в силу разницы в возрасте виделись они крайне редко. Когда Бою было восемнадцать, приемных родителей не стало, и он вернулся в племя. С тех пор прошло семь лет, и, хотя Грей знал о местонахождении брата, они никогда не общались. Раз в несколько лет он получал письмо из Индии, от Спэрроу. Они никогда не были особенно близки, их юность прошла в противостоянии причудам и выходкам эксцентричных родителей. Он знал, что Спэрроу много лет искала настоящих отца и мать – наверное, мечтала о нормальной семье. Она нашла их в Кентукки, обнаружила, что у нее с ними ничего общего, и с тех пор с ними больше не виделась. У Грея никогда не возникало желания искать собственных родителей, он не хотел добавлять в свой безумный коктейль новых чудиков. Хватало и тех, с которыми вырос, и женщин, с которыми он встречался. Их неурядицы, которыми он так горячо занимался, были из того же разряда, что злключения его детства и юности, и он чувствовал себя в этой обстановке как рыба в воде. Но одно Грей знал твердо: он не хочет иметь детей и подвергать их таким же испытаниям. Пусть детей заводят другие, такие, как Адам, которые в состоянии дать им достойное воспитание. Про себя Грей знал, что ему это не под силу, у него не было перед глазами примера хороших родителей, не было настоящей семьи как образца для подражания. Зачем иметь детей, если ничего не можешь им дать? Им владело одно желание – писать картины, и это у него неплохо получалось.

Каковы бы ни были его гены, кто бы ни были его настоящие родители, Грей был наделен от природы недюжинным талантом, и, хотя в деньгах он никогда не купался, его работы были заметным явлением в живописи. Критики единодушно признавали его достоинства. Но из-за того, что в жизни у него вечно все шло кувырком, он так и не смог стать художником успешным и состоятельным. То, что в молодости заработали его родители, они потом спустили на наркотики и странствия. Грей привык обходиться малым, отсутствие денег его не тревожило. Что имел, он всегда отдавал другим, тем, кто, по его мнению, больше нуждался. И ему было все равно, купается ли он в роскоши на яхте у Чарли или мерзнет в своей студии в нью-йоркском районе Митпэкинг. Есть в его жизни в данный момент женщина или нет, его тоже не особенно волновало. Его главным интересом была работа. И друзья.

Грей уже давно убедился, что, хотя женщины временами и обладают определенной привлекательностью и ему даже нравится ощущать рядом теплое тело, способное согреть студеной зимней ночью, все они в той или иной степени сумасшедшие, во всяком случае, те, которые оказывались в его постели. Да и друзьям заведомо было известно: если женщина с Греем, она почти наверняка тронутая. Это был его крест, его всю жизнь неудержимо тянуло к эксцентричным особам, что и неудивительно после того ненормального детства, какое ему выпало. И он был убежден, что единственный способ снять это заклятие или лучше сказать – проклятие, наложенное на него его чокнутыми приемными родителями, это не обречь на безумный образ жизни еще и своих детей. Грей любил приговаривать, что оказывает человечеству большую услугу тем, что зарекался иметь детей. Этот зарок он никогда не нарушал. И знал, что не нарушит и впредь. Он говорил, у него на детей аллергия, а у них – на него. В отличие от Чарли Грей не искал идеальной женщины, он был бы рад найти когда-нибудь одну нормальную. А пока те, что встречались на его пути, наполняли его жизнь приключе-

ниями, а при расставании – и чувством облегчения, которое испытывал не только он, но и его друзья.

– Итак, чем займемся сегодня? – спросил Чарли, когда все трое позавтракали и распластались на палубе.

Солнце стояло высоко, был уже почти полдень, погода – лучше не бывает. Адам сказал, что хочет пройтись по магазинам, купить что-нибудь для детей. Дочь обожала подарки, сын же был неприхотлив. Оба обожали отца, хотя с матерью и отчимом были в прекрасных отношениях. У Рэчел и ее педиатра было двое общих детей, которых Адам предпочитал не замечать, хотя он и знал, что Аманда с Джекобом их очень любят. Адам о них и слышать не желал. Он так и не простил Рэчел ее измену. И никогда не простит! Он давно убедился, что все женщины стервы. Мать вечно пилила отца и отзывалась о нем весьма нелестно. Отец всегда молча сносил попреки. Сестра Адама была похитрее матери и всего добивалась нытьем. Или же выпускала коготки и шипела. Адам был убежден, что идеальных женщин не существует и надо идти своей дорогой. Пока ему удавалось не задерживаться долго возле одной юбки. Но по-настоящему он расслаблялся и притуплял бдительность только на борту этой яхты, в компании Грея и Чарли. Или же со своими детьми.

– В час магазины закроются на обед, – напомнил Чарли. – Можем съездить после перебива, ближе к вечеру.

Адам припомнил, что в Сен-Тропе магазины открываются после сиесты только в половине четвертого, а то и в четыре.

Они только что позавтракали, хотя Адам, после вчерашних излишеств, осилил только один круассан и кофе. Желудок вообще был слабым местом Адама – несколько лет назад у него нашли язву. Это была обратная сторона нервной работы, но он не роптал. За долгие годы он поднаторел в деле отстаивания интересов спортсменов и звезд, эта работа нравилась ему и приносила удовлетворение. Он вносил за своих клиентов залог, когда они попадали в кутузку, договаривался об условиях их концертных турне, вел бракоразводные дела, следил за выплатой алиментов их бывшим женам и любовницам и подписывал бумаги о содержании их внебрачных детей. Он чувствовал себя востребованным, постоянно был в форме и не желал себе другой работы. И вот теперь он наконец в отпуске. Адам обычно брал отпуск дважды в год – месяц на яхте у Чарли в августе был святым делом, а еще он выкраивал недельку зимой, чтобы отправиться с Чарли на Карибы. Грей в этом путешествии никогда не участвовал, в его память навечно ввелись воспоминания о безумной жизни на Карибах с приемными родителями, и он говорил, что ничто не заставит его туда вернуться. Конец августа Адам неизменно посвящал недельному отдыху с детьми и путешествовал с ними по Европе. В этот раз он, как всегда, должен был встретиться с ними в последнюю неделю месяца. Дети сядут в Нью-Йорке на самолет, прилетят за ним в Ниццу, после чего они втроем отправятся на неделю в Лондон.

– А что вы скажете, если мы на время сбавим обороты и бросим якорь? Встанем, к примеру, напротив пляжа и двинем на катере на берег, пообедаем в «Клубе 55», а? – предложил Чарли, и все дружно закивали. Это был их обычный план действий в Сен-Тропе.

На борту яхты у Чарли были все мыслимые развлечения для гостей – водные лыжи, гидроцикл, небольшой парусник, доски для виндсерфинга, оборудование для подводного плавания. Но трое друзей большую часть времени просто наслаждались бездельем. Они проводили время за обедом и ужином, за выпивкой и общением с женщинами, немного плавали. А вот спали, наоборот, очень много. Особенно Адам, который всегда приезжал вымотанный до предела и говорил, что единственное место и время, где ему удастся нормально выспаться, – это яхта Чарли в августе месяце. Только тут его наконец отпускали все заботы. Правда, он ежедневно получал факсы из конторы и регулярно проверял электронную почту. Но все секретари, помощники и партнеры знали, что беспокоить его в августе можно только в

случае крайней необходимости. Кто осмелится – пусть пеняет на себя. В августе Адам наконец позволял себе забыть о делах и клиентах. Все, кто его знал, понимали, что после трудов праведных он заслужил передышку. Зато потом, в сентябре, с ним было намного проще иметь дело. Заряда положительных эмоций, полученных в компании с друзьями, ему хватало на много недель, а то и месяцев.

Трое друзей познакомились на почве филантропии. Фонд Чарли организовывал сбор средств на приют в Верхнем Вестсайде для женщин и детей, ставших жертвами домашнего насилия. Организатор этого мероприятия искал выход на одного известного рок-музыканта, чтобы привлечь его к участию, и связался с Адамом, как с его представителем. Адам с Чарли встретились за обедом, чтобы обсудить детали, и обнаружили, что у них много общего.

Адаму удалось уговорить своего именитого клиента принять участие в концерте, что давало возможность рассчитывать на значительные пожертвования. На том же мероприятии была выставлена на аукцион одна из работ Грея – тот сам ее отдал на благотворительные нужды, хотя для него это была огромная жертва, ведь он практически лишился полугодового дохода. После мероприятия он вызвался расписать стену в одной солидной фирме, работающей под эгидой фонда. Тогда-то он и познакомился с Чарли, а затем и с Адамом, когда Чарли в благодарность пригласил обоих к себе домой на ужин. Эти трое были очень разными людьми, но, как ни странно, выяснилось, что их многое объединяет. И еще – ни один из них на тот момент не состоял ни в браке, ни в серьезных отношениях с женщинами. Адам только что пережил развод. Чарли совсем недавно расторг очередную помолвку и пригласил своих новых друзей провести с ним месяц на его яхте, составить ему компанию в компенсацию за несостоявшийся медовый месяц. Чарли надеялся, что в мужской компании сможет развеяться. Так все и вышло. Они замечательно провели время. У Грея тоже была своя грустная история. Девушка, за которой он ухаживал, в июне пыталась совершить самоубийство, а в июле ушла к его ученику. Возможность уехать из города Грей воспринял с огромным облегчением и был благодарен Чарли за приглашение. К тому же Грей в тот момент сидел на мели. А у Адама выдалась трудная весна, двое его подопечных спортсменов получили травмы, а всемирно известная рок-группа отменила концертное турне, спровоцировав десяток судебных исков. Совместный отдых на Средиземном море удался на славу. И с тех пор это стало традицией. Нынешний год обещал быть ничем не хуже. Сен-Тропе, немного азарта в Монте-Карло, Портофино, потом – Сардиния, Капри и любые промежуточные пункты по желанию. Сейчас они находились на яхте всего третий день, но уже пребывали в блаженстве. Чарли наслаждался обществом друзей, и это было взаимно.

– Ну, так что, ребята? Обедаем в «Двух пятерках», но сперва поплаваем? – наседал Чарли: ему надо было дать соответствующие указания капитану.

– Почему бы и нет, – отозвался Адам и закатил глаза, так как в этот момент зазвонил его мобильный. Он решил не отвечать, а потом проверить голосовую почту. В Европе у него с собой был только один телефон – серьезный прогресс по сравнению с той облойкой мобильных и бумаг, которые он всегда таскал с собой в Нью-Йорке. – Пусть сами там разбираются. – Он усмехнулся.

– Кто-нибудь хочет «Кровавую Мэри»? – с невинным видом спросил Чарли, а сам жестом дал знать стюарду, что они собрались уходить.

Стоявший рядом красивый молодой новозеландец кивнул и поспешил проинформировать капитана, а заодно и отдать распоряжения насчет обеда. Ничего уточнять не требовалось. Опытный стюард знал, что Чарли отправится на берег в половине третьего. Чаще всего он обедал на яхте, но в Сен-Тропе такие потрясающие виды, что невозможно удержаться от искушения и не сойти лишней раз на берег. А обедали тут все состоятельные люди исключительно в «Клубе 55» – точно так же, как ужинали в «Ложке».

– А можно мне безалкогольный коктейль? – с улыбкой спросил Грей. – По-моему, мне надо на несколько дней вас покинуть и привести себя в чувство в какой-нибудь клинике для алкоголиков.

– А мне чего-нибудь покрепче. А еще лучше – с текилой, – попросил Адам под громкий смех Чарли.

– Мне «Беллини», – заказал Чарли коктейль из шампанского с персиковым соком – приятный способ начать очередной день грехопадения. Хорошее шампанское и кубинские сигары были его слабостью. На яхте имелся солидный запас и того и другого.

Трое друзей продолжали наслаждаться жизнью, а яхта тем временем двинулась от порта, виртуозно уклоняясь от многочисленных судов поменьше и катеров с туристами, ежедневно вывозящих в море любителей красот и фотографирования. В конце пристани сгрудилась неизменная стайка папарацци в ожидании захода в порт какой-нибудь роскошной яхты со знаменитостями на борту. Когда это случалось, репортеры устремлялись за звездами на мотоциклах, преследуя их каждую секунду пребывания на берегу. Сейчас же они сделали по прощальному снимку «Голубой луны», пока та плавно выходила из акватории порта, и резонно рассудили, что к ночи чудо-яхта вернется, чтобы стать на якорь. Обычно, когда Чарли прогуливался по городу, его то и дело фотографировали, но пищи для таблоидов он никогда не давал. Если не считать шикарной и впечатляющей по размерам яхты, Чарли вел весьма замкнутый образ жизни и всеми силами избегал шумихи. Он просто был богатым человеком, путешествующим в компании своих друзей, имена которых читателям бульварной прессы ничего не говорили. Даже Адам, по долгу службы имевший дело со звездами, и то умудрялся оставаться в тени. А Грей Хоук и вовсе был малоизвестным широкой публике художником. Это были трое обычных холостяков, трое закадычных друзей, проводящие отпуск на море.

Перед обедом с полчаса поплавали. Потом Адам решил посжигать калории, оседлал гидроцикл и прокатился вокруг стоящих в виду берега яхт и катеров, а Грей прикорнул на палубе. Чарли же сидел в шезлонге и смаковал гаванскую сигару. Райская жизнь! В половине третьего они сели в катер и поехали обедать в «Две пятерки». Там оказались завсегдатаи заведения – Ален Делон, Жерар Депардьё и Катрин Денев, и у троих друзей появился повод детально обсудить достоинства прославленной француженки. Все согласились, что, несмотря на возраст, знаменитая актриса по-прежнему необычайно хороша. Она была вполне во вкусе Чарли, хотя и намного старше тех женщин, за которыми он обычно ухаживал, – те, как правило, были тридцати с небольшим лет, а то и моложе. Со сверстниками он заводил отношения редко. Сорокалетними пускай занимаются шестидесятилетние мужики. Или даже постарше. Что до Адама, тот и вовсе предпочитал молоденьких.

Грей заметил, что Катрин Денев осчастливила бы его в любом возрасте. Он любил, чтобы женщина была с ним одних лет, даже чуть старше. Впрочем, в данном случае мадам Денев не подходила по другому параметру: она слишком заразительно смеялась и вообще прекрасно себя чувствовала в компании своих друзей. А Грею нужна была зареванная, страдающая, с безумными глазами говорящая что-то в мобильный телефон в промежутке между всхлипываниями. У Адама было свое представление о женщинах, с которыми стоит проводить время. Это должна быть девушка лет на десять старше его дочери-школьницы, и он бы купил ей силиконовую грудь и оплатил пластику носа. Что касается Чарли, то златокудрая девушка его мечты представлялась ему в ореоле добродетелей и непременно в хрустальных туфельках. Только она не должна была бросаться наутек с боем часов. Ей следовало остаться на балу, поклясться Чарли в вечной преданности и танцевать в его объятиях до скончания веков. Он не терял надежды, что когда-нибудь ее отыщет.

Глава 2

Капитан пришвартовал «Голубую луну» в конце пристани Сен-Тропе во второй половине дня. И проявил при этом большое искусство, ведь в разгар сезона найти место в Сен-Тропе не так-то просто. Из-за ее размеров яхту пришлось ставить в первом ряду, о чем Чарли тут же пожалел: надо было, как он чаще и делал, отправиться на берег на катере. Вышедших на охоту папарацци мгновенно привлекла красавица яхта. Кругом слышались щелчки фотокамер, пока трое друзей садились в поджидавшую машину. Чарли не обращал на репортеров внимания, как и Адам, а Грей весело помахал им рукой.

– Несчастные люди! – пожалел он. – Трудно им хлеб достается.

Адам хмыкнул неодобрительно. Он на дух не выносил прессу.

– Паразиты! Все, как один, падалью питаются, – высказался он.

Журналисты постоянно создавали проблемы его клиентам. Не далее как сегодня после обеда раздался один неприятный звонок. Его клиента, женатого, засняли в обществе женщины на выходе из отеля. И понеслось дерьмо по трубам! Взбеленившаяся жена уже раз десять звонила в адвокатскую контору, угрожая разводом. С ее мужем это случалось уже не в первый раз, и она требовала либо огромных отступных по разводу, либо пять миллионов долларов – в случае, если останется в браке. Чудненько! Адам уже давно перестал чему-либо удивляться. Правда, сейчас голова у него была занята совсем другим – найти ту бразильянку и снова отплясывать с ней самбу до самого утра. А проблемы будем решать, когда вернемся в Нью-Йорк. Сейчас у него нет желания разбираться с желтой прессой или с супружескими изменами своих клиентов. Они делали это раньше, будут делать и впредь. Сейчас его время принадлежит ему. Это его законный отпуск. До конца августа ни для каких дел его не существует.

Сегодня после обеда они прошлись по магазинам, потом поспали и отправились ужинать в ресторан «Ложка» отеля «Библос», где любовались необычайно красивой русской манекенщицей в белых шелковых брючках и маленьком болеро из белой кожи: курточка была распахнута, а под ней – ничего. Весь ресторан мог созерцать ее бюст во всей красе, и, кажется, никто не возражал. Чарли был в восторге, а Адам только похохатывал.

– Классная грудь! – прокомментировал Грей со знанием дела.

– Да, только ненастоящая, – поставил свой диагноз Адам.

На него это зрелище не произвело большого впечатления, впрочем, он тоже от души забавлялся. Надо было иметь крепкие нервы, чтобы заявиться в дорогой ресторан с выставленной напоказ грудью. Год назад они видели в одном ресторане красивую немочку, на которой была прозрачная блузка в сеточку, знай любуйся. Что они с успехом и делали. Она весь вечер просидела практически голышом, ужинала, разговаривала, смеялась, курила – и, судя по всему, наслаждалась производимым эффектом.

– Откуда ты знаешь, что ненастоящая? – заинтересовался Грей. На вид это была весьма соблазнительная упругая грудь с острыми сосками. Грею захотелось немедленно ее запечатлеть. К тому же он уже был под градусом – прежде чем покинуть яхту, они пропустили по «Маргарите». Еще один вечер грехопадения и распутства начался.

– Можешь мне поверить, – уверенно заявил Адам. – Я таких уже сотню пар оплатил. Нет, сто с половиной. Пару лет назад у меня была девушка, так ей захотелось сделать такую, но только одну – вторая, дескать, и так хороша, а другую надо подправить.

– Любопытно, – проговорил Чарли со смехом. Он попробовал выбранное ими вино и одобрительно кивнул сомелье. Бордо было превосходное. Выше всяческих похвал. Старой выдержки «Ленш-Баж». – Ты что же, первым делом их за новой грудью посылаешь? Вместо того чтобы вести в ресторан или кино?

– Нет, просто, когда я встречаюсь с какой-нибудь начинающей актриской, перед расставанием она норовит выставить меня на пару новых сисек. Легче согласиться, чем спорить. Зато они тогда уходят без шума, получив желаемое.

– Раньше женщинам в порядке утешения покупали жемчуга или бриллианты. Теперь, значит, покупают силикон, – сухо прокомментировал Чарли.

Те, с кем встречался он, никогда не стали бы просить его об оплате пластической операции. И ни о чем другом в этом роде. Для Адама это, похоже, было привычным делом. Если подружки Чарли и обращались к пластическому хирургу, то делали это на свои деньги, и этот вопрос никогда не обсуждался. Он не мог припомнить, чтобы какая-то из его бывших подружек делала пластическую операцию. Во всяком случае, ему об этом было неизвестно. Что до девушек Адама, то они, как правило, были перекроены с ног до головы. А женщинам Грея если что и требовалось, то скорее препарирование мозгов или серьезный курс успокоительных лекарств. Ему доводилось оплачивать курс психотерапии, программы реабилитации наркоманов и алкоголиков, услуги адвокатов, чтобы их оставили в покое бывшие «спутники жизни», норовившие их преследовать либо грозившие убить – иногда заодно и Грея. Он был готов платить за все, так что, если разобраться, оплатить пару силиконовых грудей, может, было бы и проще. Сделав операцию, женщины спокойно прощались с Адамом и исчезали. У Грея же разрыв никогда не проходил безболезненно, его подружки либо затягивали с уходом, либо прибегали за помощью, когда их начинали третировать новые возлюбленные.

– Пожалуй, надо это опробовать, – сказал Чарли со смехом, потягивая вино.

– Попробовать что? – не понял Грей. Он все не мог отвести глаз от русской красавицы и ее груди.

– Оплачивать силикон. Дивный рождественский подарок. Или свадебный.

– Ну уж нет! – покачал головой Адам. – Хватит того, что это делаю я. Девушки, с которыми ты общаешься, слишком интеллигентны, чтобы предлагать им подобный подарок.

Его собственным подружкам грудь была нужна для карьеры – как правило, это были актрисы или модели. Адам никогда не искал в женщине ум. Для него женский ум был скорее недостатком. Он не хотел оставаться на вторых ролях.

– По крайней мере это был бы нестандартный подарок. А то мне надоело дарить им фарфор, – улыбнулся Чарли, раскуривая сигару.

– Радуйся, что не платишь алименты. Поверь, фарфор – это куда дешевле, – язвительно заметил Адам.

После повторного замужества Рэчел он перестал выплачивать ей содержание, правда, ей досталась половина всего его имущества, но алименты на детей продолжал исправно платить, и весьма солидные. Впрочем, на детей он не скупился. А вот огромного отступного жене было до смерти жаль. К моменту развода Адам успел стать в своей фирме партнером. Рэчел получила намного больше, чем, по его убеждению, заслуживала. Родители наняли ей фантастического адвоката. Адам до сих пор возмущался исходом дела. Ему так и не удалось свыкнуться с тем, как она с ним обошлась, и похоже, это обида навсегда. По его убеждению, оплатить женщине силиконовую грудь – это нормально, а вот выплачивать содержание – увольте! Больше его на этом не проведешь.

– А мне кажется, если ты считаешь своим долгом оплачивать их идиотские прихоти – тем хуже для тебя, – вступил в дискуссию Грей. – Я если что и покупаю женщине, то лишь потому, что этого хочется мне. Я не оплачиваю их адвокатов, врачей, косметологов. – Грей, несомненно, причислял себя к романтикам. – Разве это не прекрасно, когда любишь ты и любят тебя?!

– Лучше классный секс, чем романтика с сомнительным исходом, – глубокомысленно изрек Адам.

– А что, разве невозможно и то и другое вместе? – спросил Грей, приступая к третьему бокалу вина. – Почему не секс и романтика?

– Это идеальный вариант, – кивнул Чарли. Но ему, конечно, подавай еще и голубую кровь в придачу. Он и не отрицал своего снобизма в отношении женщин. Адам вечно его поддразнивал, говорил, что тот боится, как бы какая крестьяночка не подпортила его благородную кровь. Чарли в ответ негодовал, но оба знали, что это правда.

– Мне кажется, вы оба живете в мире иллюзий, – заметил Адам. – Романтика как раз все и губит, в результате все остаются разочарованными и обозленными – тут-то и начинаются всякие пакости. А когда обе стороны понимают, что все ограничится сексом и приятным времяпрепровождением, все довольны и не требуют ничего невозможного.

– Тогда почему все твои подружки так негодуют, когда ты указываешь им на дверь? – бесхитростно спросил Грей.

– Потому что женщине говоришь, а она не верит. Ты сразу предупреждаешь, что жениться не собираешься, а они воспринимают это как вызов и кидаются выбирать подвечное платье. Но я хотя бы честен. Если они мне не верят – это их беда. Я им все сказал. Не хотите слышать – как хотите. Но я их не обманываю. – В этом было еще одно преимущество ухаживания за молоденькими. Двадцатилетние девушки редко рвутся замуж, им главное – время весело провести. А вот к тридцати они начинают рыскать по сторонам и, если что-то идет не по их плану, впадают в панику. Молодым подавай бары и модные клубы, роскошные платья, дорогие рестораны. Достаточно взять их на выходные в Лас-Вегас, и они уже воображают, что попали в рай.

А вот родители Адама придерживались иных воззрений. Мать вечно обвиняла его в том, что он встречается с уличными девками, особенно если его имя попадало на страницы желтой прессы. Адам всякий раз ее поправлял и объяснял, что это не проститутка, а актриса или манекенщица, на что мамаша отвечала, что это одно и то же. А сестра попросту смущалась, если за семейным ужином заходил разговор на подобную тему. Брат находил все это занятным, но в последние годы тоже стал советовать Адаму остепениться. Но Адам успешно игнорировал их мнение. Он считал, что его близкие живут скучнейшей жизнью. Перед собой он оправдывался тем, что родные критикуют его из банальной зависти: Адама даже не удивляло, что его мать продолжает поддерживать отношения с Рэчел. Иногда ему даже казалось, что она делает это специально, чтобы только досадить ему. Она симпатизировала снохе и ее новому мужу и всегда напоминала Адаму, что общается с Рэчел потому, что та – мать ее внуков. В чем бы ни состояли разногласия, мать никогда не принимала сторону сына. Адам понимал, что в глубине души мать его любит, но изменить себе она не могла и продолжала воспитывать его и осложнять ему жизнь. Что бы Адам ни делал, это вызывало у нее неодобрение.

Мать все еще винила его за развод и говорила, что он наверняка совершил по отношению к Рэчел что-то ужасное, иначе она бы его никогда не оставила. Она ни разу не почувствовала Адаму, что жена ему изменила и ушла. И все же он чувствовал, что, несмотря на неодобрение, мать гордится его успехами, его известностью, но никогда не признается в этом.

Был уже двенадцатый час, когда они закончили ужинать и пошли прогуляться по Сен-Тропе. На улицах кипела жизнь, открытые кафе, рестораны и бары были полны людей. Из нескольких ночных клубов гремела музыка. Они зашли выпить к Нано, а в час ночи очутились в «Королевском погребке», как раз когда заведение оживало. Повсюду были женщины в открытых топиках, узких джинсах и босоножках на высоченных каблуках. Адам чувствовал себя ребенком в магазине игрушек, и даже Чарли с Греем наслаждались жизнью. Грей с женщинами был очень робок, чаще всего подружек ему находили друзья. А Чарли, как всегда, проявлял разборчивость, но был не прочь посмотреть на происходящее.

К половине второго все трое уже всю танцевали, оставаясь при этом относительно трезвыми. Бразильянки так и не объявились, но Адаму уже было все равно. Он перетанцевал по меньшей мере с десятком других девиц, а потом остановился на миниатюрной немке, утверждавшей, что у ее родителей есть дом в соседнем с Сен-Тропе городишке. На вид ей можно было дать лет четырнадцать, пока она не пошла танцевать с Адамом. Тут стало ясно, что девушка знает, что делает и чего хочет, и что она намного старше, чем можно было бы подумать. В танце она практически ему отдавалась. Было уже начало четвертого, когда Чарли с Греем отправились на яхту. Адам сказал, что сам найдет дорогу, тем более что яхта стоит у причала, и Чарли оставил ему на всякий случай рацию, если вздумает с ними связаться. Адам кивнул и продолжил танцевать с рыжеволосой немкой, которую, как выяснилось, звали Уши. Он подмигнул на прощание Чарли, тот улыбнулся в ответ. Адам развлекался на всю катушку.

– Чем завтра займемся? – спросил Грей, когда они вернулись на яхту.

Отовсюду лилась музыка. Но на яхте царила тишина, достаточно только было закрыть в каюте дверь. На сон грядущий Чарли предложил Грею бренди, но тот отговорился тем, что уже достаточно выпил. Они постояли немного на палубе, наблюдая за туристами, возвращающимися на пришвартованные по соседству яхты. Сен-Тропе был в полном смысле курортным городом, где праздник жизни не затихал ни ночью, ни днем.

– Я думал двинуть в Портофино или в Монте-Карло, – ответил Чарли.

Гулянки в Сен-Тропе быстро надоедали. Поначалу было весело шататься по ресторанам и ночным клубам, но вокруг много других приятных мест. Монте-Карло как раз был из числа более спокойных и элегантных городов, и все трое обожали играть в казино.

– Боюсь, Адам захочет еще пару вечеров провести здесь, чтобы познакомиться поближе со своей немкой, – заметил Грей.

Ни к чему отравлять другу удовольствие и портить наклеивающийся роман. Чарли, однако, знал Адама лучше и оценивал ситуацию с изрядной долей цинизма. Если судить по предыдущим отпускам, Адам удовольствуется тем, что проведет с девушкой одну-единственную ночь, если, конечно, он не изменился.

Около четырех Чарли и Грей разошлись по своим каютам. Чарли моментально уснул, Грей тоже, и ни один из них не слышал, как в пять часов вернулся Адам.

Чарли с Греем завтракали на палубе, когда перед их взорами предстали сияющие Адам и Уши. При виде мужчин девушка смутилась.

– Доброе утро, – поздоровалась она с легким акцентом. Она была без косметики, рыжие волосы густые и длинные, фигурка обворожительная, что отлично подчеркивали узенькие джинсы и майка. При свете дня ей трудно было дать больше шестнадцати лет.

Стоящая наготове официантка распорядилась подать обоим завтрак. Адам был в прекрасном настроении, и друзья с трудом удерживались от многозначительных улыбок.

Четверка весело болтала, а сразу после завтрака старший стюард вызвал для Уши такси. Напоследок Адам показал ей яхту, девушка пришла в восторг.

– Я позвоню, – пообещал он и поцеловал Уши на прощание.

Друзья понимали, что Адам скоро забудет рыжеволосую красавицу и через год им уже придется ему напоминать об этой девчужке, если, конечно, возникнет желание.

– Когда? – спросила Уши с надеждой, усаживаясь в машину. – Сегодня ты будешь на дискотеке?

– Подозреваю, мы сегодня снимаемся с якоря, – сообщил он, игнорируя первый вопрос.

Она дала ему свой телефон на виллу и сказала, что пробудет там до конца августа. Потом вернется в Мюнхен к родителям. Адрес в Германии тоже оставила – после того, как он сказал, что иногда там бывает по делам службы. Уши, как она им сказала, было двадцать два года и она училась во Франкфурте на медицинском.

– Если останемся – я приду на дискотеку. – Адам старался по возможности не лгать женщинам, с которыми спал, чтобы не создавать у них иллюзий. Впрочем, насчет Уши он был спокоен. Она подцепила кавалера на танцах, провела с ним ночь, прекрасно сознавая, что навряд ли с ним еще когда-либо увидится. Оба знали правила игры.

Адам поцеловал ее на прощание, и она на секунду к нему прижалась.

– Пока. Спасибо тебе, – мечтательно проговорила девушка, и он поцеловал ее еще раз.

– Это тебе спасибо, милая, – шепнул Адам, закрывая дверцу машины.

– Приятный сюрприз, – с улыбкой сказал Чарли, когда Адам присоединился к ним. – Люблю, когда у нас за завтраком гости, особенно такие хорошенькие. Как думаешь, не поспешить ли нам отсюда, пока ее родители не явились с дробовиком по твою душу?

– Надеюсь, что нет, – хмыкнул Адам, весьма довольный собой. Ему нравилось иногда превратить яхту Чарли в место увеселений. – Ей двадцать два года, и, кроме того, она учится на медика. Я у нее не первый. – Правда, он готов был согласиться, что выглядит Уши значительно моложе своих лет.

– Ты меня разочаровал, – рассмеялся Чарли и раскурил сигару. Летом, на яхте, он иногда позволял себе это удовольствие и утром. Что им всем определенно нравилось в их жизни, так это то, что, вопреки накатывающему временами одиночеству, они всегда были сами себе хозяева. В этом и заключалось главное преимущество холостяцкой жизни. Можно есть не по часам, а когда голоден, одеваться как заблагорассудится, пить, сколько захочешь, и проводить время, с кем тебе нравится. Есть только ты и твои друзья, и все трое считали такую ситуацию оптимальной. – Может, найдем тебе девственницу в следующем порту? Хотя боюсь, что здесь их уже днем с огнем не сыщешь.

– Очень смешно! – Адам ухмыльнулся, гордый своей вчерашней победой. – Ты просто завидуешь. А кстати, где собираемся причалить? – Адаму нравилась возможность перемещаться с места на место, не меняя своей каюты и привычного комфорта. Можно купаться в роскоши, планировать свою поездку, как вздумается, меняя эти планы по малейшей прихоти, и каждую секунду к твоим услугам вышколенная команда.

– А вы бы где хотели? – спросил Чарли, обращаясь к обоим приятелям. – Я предлагаю Монако или Портофино.

После некоторого обсуждения решили начать с Монако, а в Портофино пойти потом. Монте-Карло находился совсем рядом, в двух часах от Сен-Тропе, а Портофино – подальше, часов восемь хода. Как Чарли и предполагал, Грей был согласен с любым вариантом, а Адам хотел непременно отметить в казино.

Сразу после обеда, состоявшего из роскошного шведского стола с морепродуктами, они снялись с якоря. Немного поплавали, после чего тронулись в путь. До самого Монако друзья нежились в шезлонгах на палубе. К моменту прибытия все трое крепко спали. Капитан снайперски пришвартовал яхту к причалу, с помощью кранцев амортизируя возможные удары других яхт. Порт Монте-Карло, как всегда, был забит большими яхтами, так что «Голубая луна» не казалась здесь огромной.

В шесть часов Чарли проснулся, огляделся и перевел взгляд на друзей – оба продолжали спать крепким сном. Чарли принял душ и переоделся, а в семь проснулись и Грей с Адамом. После вчерашних подвигов Адам был немного утомлен, но к ужину все трое уже были в отличной форме.

Старший стюард вызвал такси и зарезервировал столик в «Людовике XV», где обстановка и посетители диктовали более строгие требования к одежде. По этому случаю все трое облачились в пиджаки и галстуки. Чарли надел кремовый льняной костюм с рубашкой того же цвета, а Адам – белые джинсы с блейзером и мокасины крокодиловой кожи на босу ногу. Грей обрядился в голубую рубашку, слаксы цвета хаки и допотопный блейзер с красным галстуком. Из-за седины он выглядел старше своих друзей, правда, в его облике было

нечто экстравагантно-бунтарское. Как бы ни был одет Грей, в нем безошибочно угадывался художник. За ужином он оживленно жестикулировал, рассказывая друзьям истории из своей юности. Например, поведал о том, как недолгое время жил на Амазонке. Рассказ получился довольно забавным, но тогда для него, мальчишки, это был сущий кошмар. Его сверстники ходили в школу, катались на велосипедах, подрабатывали доставкой газет, бегали в школу на танцы. Он же бедствовал то среди индийской бедноты, то в буддистском монастыре в Непале, то с бразильскими туземцами и изучал наставления далай-ламы. Он был фактически лишен детства.

— Что мне вам сказать? Родители у меня были не в себе. Зато скучать не приходилось. — При этих словах Адаму подумалось, что его-то детство как раз протекало до тошноты скучно и обыденно, и ничто в его жизни на Лонг-Айленде не могло сравниться с тем, о чем рассказывал Грей. А Чарли о своем детстве вспоминал редко. Поначалу все было предсказуемо, респектабельно и традиционно — до момента гибели родителей. Дальше пошла черная полоса. А когда пятью годами позже умерла его сестра, Чарли совсем потерял вкус к жизни. Он говорил об этом только со своим психотерапевтом и никогда с посторонними. Умом он понимал, что, пока не случилась беда, в его жизни было немало радости, но он этого словно и не помнил, а вот все несчастья сохранились в памяти отчетливо. Лучше думать о сегодняшнем дне, а воспоминания оставить для консультаций. Но даже под нажимом психотерапевта они давались ему с трудом и всякий раз повергали в отчаяние. Никакими утешениями и земными благами невозможно компенсировать утрату самых дорогих его сердцу людей — а вместе с ними и семейной жизни. И как бы он ни старался, воссоздать ее он был не в силах. Казалось, он навсегда лишился стабильности и уверенности, какую дает семья, а заодно и способности создать с кем-то такой же союз близких душ. Сейчас самые близкие отношения у него были только с этими двумя приятелями, и больше ничего похожего на душевную близость он не испытывал за все двадцать пять лет, прошедших после смерти сестры. Тогда, двадцать пять лет назад, Чарли оказался бесконечно одинок, без тепла, заботы и любви близких. Сейчас, слава богу, у него есть два надежных друга. И он знал, что они его всегда поддержат — точно так же, как он поддержит их. Для каждого из них это было великое утешение. Их объединяла крепкая мужская дружба, полное доверие и взаимная симпатия, а это уже немало.

Они долго сидели за кофе с сигарами, Адам и Грей рассказывали о своих детских годах. Чарли с интересом отмечал про себя, насколько по-разному они воспринимают одни и те же вещи. Грей давно смирился с тем фактом, что его приемные отец и мать были чудаковатыми эгоистами, а соответственно — никудышными родителями. И настоящего дома у Грея не было. Родители кочевали по свету, вечно в исканиях, неизменно бесплодных. А к тому времени, как они осели в Нью-Мехико и усыновили еще одного ребенка, Боя, Грей уже давно жил своей жизнью. Он виделся с Боем, когда изредка появлялся дома, но опасался привязанности. Он не хотел, чтобы что-нибудь в жизни объединяло его с родителями. В последний раз он виделся с Боем на похоронах родителей, после чего прервал с ним связь. Порой из-за этого его мучила совесть, но он вычеркнул из своей жизни всякие напоминания о своей непутевой семье. Само это слово — «семья» — для него ассоциировалось со страданиями. Иногда он задавал себе вопрос, что стало с Боем после смерти родителей. До сих пор Грею удавалось подавлять в себе порывы отыскать брата и взять на себя ответственность за него. Когда-нибудь он, может, и разыщет его, но не теперь. А может, этого и вообще не случится. И останется этот мальчик только в его воспоминаниях как славный и добрый ребенок.

У Адама тоже осталась обида на своих родителей. Их участие в его жизни, а точнее, отсутствие какого-либо участия, и царившая в доме гнетущая атмосфера вызывали его негодование. Главным воспоминанием его детства было то, как мать всех пилит, как придирается к нему, самому младшему, и как его все третируют, словно непрошеного гостя, поскольку он

имел несчастье родиться так поздно. Он помнил, что отец вечно пропадал на работе. Да и как его винить? С тех пор, как Адам в восемнадцать лет уехал в Гарвард, он и сам дома почти не появлялся. Навестит на праздники – и скорее назад. С него и этого хватало. Он считал, что такая атмосфера в семье привела к тому, что они с братом и сестрой не питают друг к другу никаких родственных чувств. От родителей они научились только наводить критику, поглядывать друг на друга сверху вниз, придираться к мелочам и пренебрежительно отзываться об образе жизни того или другого.

– В нашей семье не было никакого взаимного уважения, – вспоминал Адам. – Мать отца в грош не ставила и вечно пилила. Думаю, отец ее в душе ненавидел, хотя ни за что в этом бы не признался. Да и мы, дети, никогда между собой не дружили. Сестру я считаю жалкой и скучной личностью, брат у меня – напыщенный кретин, его жена – в точности как наша мамаша, а они убеждены, что я якшаюсь с одними подонками и шлюхами. Никакого уважения к моей работе. Они толком даже не знают, чем я занимаюсь. Их не интересую я сам, зато очень волнуют мои, как они говорят, двусмысленные связи с женщинами. Я вижу свою родню только на свадьбах, похоронах и по большим праздникам, да и то лучше бы их всех не видеть. Детей к старикам возит Рэчел, так что хотя бы от этой обязанности я свободен. Они обожают Рэчел, причем так было всегда. Они даже готовы смотреть сквозь пальцы на то, что она вышла за христианина, главное для них то, что она воспитывает детей в еврейских традициях. Для них она вообще безгрешна, а я, напротив, не способен ни на что хорошее. К счастью, это меня уже давно не трогает.

– Что-то не похоже, ты ведь продолжаешь с ними видеться, – заметил Грей. – Значит, тебе не все равно. Может, ты до сих пор нуждаешься в их одобрении или подсознательно его ждешь. Это нормально, просто иногда приходится признавать, что наши родители на это не способны. Вот и получается, что в детстве, когда нам так нужна их любовь, мы ее лишены, они не умеют любить. Мои-то точно не умели. Думаю, на свой лад они к нам с сестрой хорошо относились, только они и понятия не имели, что значит быть родителями. Когда они усыновили Боя, я ему очень сочувствовал. Уж лучше б собаку купили! Думаю, когда мы выросли и разъехались, им просто стало скучно, вот они и взяли мальчишку.

И вот моя сестрица где-то в Индии живет с нищими под открытым небом. Она всю жизнь пыталась ощущать себя азиаткой, а теперь, наверное, считает, что наконец ею стала. Она ничего не знает о своем происхождении, да и родители не знали. Я о своем – тоже. До сих пор задаюсь вопросом, кто я и откуда. Думаю, в конечном итоге это и есть главный вопрос: кто мы такие, во что верим, как живем и как хотели бы жить?

– Чарли, а ты что скажешь? – спросил Адам. Он был не такой сдержанный, как Грей, и не боялся вторгаться в запретные пределы. – У тебя в детстве была нормальная семья? Мы тут с Греем соревнуемся, у кого родители хуже, и я пока не понял, кто на первом месте, он или я. Мои, похоже, оказались не способны дать мне больше, чем его музыканты. – Они уже изрядно выпили, и разговор пошел откровенный.

– У меня были идеальные родители, – вздохнул Чарли. – Любящие, щедрые, добрые, чуткие. Я от них слова дурного не слышал. Мать была самая нежная и душевная женщина на свете. Заботливая, веселая, красивая. А отец – настоящий мужчина. Для меня он был примером во всем, я его воспринимал как героя. Чудесные были родители, и детство у меня было замечательное. А когда они погибли, моя счастливая жизнь закончилась. Истории конец. Шестнадцать лет счастья – и вот мы с сестрой одни в большом доме, много слуг и фонд, которым надо учиться управлять. Сестра ради меня бросила Вассар и два года замечательно обо мне заботилась, пока я не поступил в колледж. Она всем пожертвовала ради меня. Боюсь, за эти годы у нее и парня-то не было. Потом я уехал в Принстон, а она уже была больна, только я об этом тогда не знал. А потом умерла и сестра. Трех самых дорогих мне людей не стало. Я вот слушаю вас обоих и думаю, как мне повезло – нет, дело не в состоянии.

У меня были чудесные родители, замечательная сестра. Но близкие люди умирают, твоя жизнь теряет опору, и все меняется. Я все готов отдать, чтобы их вернуть, но такой возможности жизнь не дает. Надо играть теми картами, какие у тебя на руках. А кстати, как насчет рулетки? – вдруг оживился Чарли, сменив тему.

Друзья лишь молча покивали. И Адам, и Грей понимали, почему Чарли боится серьезных отношений и не заводит длительных романов. Он боится привязаться к человеку и потом его лишиться. Он и сам это понимал. И тысячу раз обсуждал это со своим психотерапевтом. Но это ничего не меняло. Сколько бы он ни ходил на эти консультации, родителей не вернешь, боль утраты и давние страхи глубоко сидели в нем, и никакая успешность не избавляла его от собственного одиночества. Он страшился новых потерь, вот почему он не спешил отдавать свое сердце на заклание. Поэтому он деликатно, но твердо уходил первым. Чарли еще не повстречал такой, ради которой готов был бы идти на риск, но верил, что когда-нибудь встретит. А вот Адам и Грей в этом сомневались. Они считали, что Чарли так и останется бобылем. А поскольку такого же мнения каждый из них был и о себе, то они особенно дорожили своей мужской дружбой. В их дружбе была преданность и стабильность, которой им так не хватало и в детстве, и во взрослой их жизни.

Чарли играл в баккара, а Грей следил за игрой Адама в очко, после чего все трое перешли к рулетке. Чарли поставил немного от имени Грея, и тот выиграл три сотни долларов, поставив на черное. Сотню он тут же вернул Чарли, который ни за что не хотел ее брать.

На яхту они вернулись в два часа ночи и сразу разошлись по каютам. Завтра они двинутся в Портофино. Чарли уже отдал указания капитану отплывать, не дожидаясь, пока они встанут, часов в семь. Тогда на место они прибудут вскоре после обеда, и останется время прогуляться. Портофино был излюбленным пунктом их летнего маршрута. Грея восхищала архитектура, в особенности он восторгался церковью на вершине горы. Чарли импонировали раскованная атмосфера итальянского курорта, здешние рестораны и сами люди. Это было удивительно красивое местечко. Адам обожал здешние магазины и отель «Сплендидо» на склоне горы, с видом на гавань.

Ему нравился и крохотный порт, и роскошные молодые итальянки. А сколько здесь было очаровательных туристок, приехавших со всего света! Для каждого из них это место было наполнено своим очарованием, и когда они расходились по каютам, блаженные улыбки не сходили с их лиц в предвкушении завтрашнего прибытия в Портофино.

Глава 3

В Портофино прибыли в четыре часа дня, когда магазины и лавки открывались после сиесты. Поскольку киль у яхты был слишком глубок, пришлось бросить якорь за пределами порта. Люди с соседних яхт активно купались, их примеру последовали и друзья, когда проснулись. К шести часам вечера подошло еще несколько крупных яхт, вокруг них царил праздничная атмосфера. Стоял дивный вечер, залитый золотым светом. Подошло время ужина, но никому не хотелось покидать палубу. Друзья, довольные и расслабленные, наслаждались прекрасным видом. Кухня на яхте была превосходная, но рестораны в городе тоже были великолепны. Здесь было несколько отличных заведений, в том числе прямо в порту, среди многочисленных лавок и магазинов. А уж магазины в Портофино привлекали туристов не меньше, чем в Сен-Тропе: «Картье», «Гермес», «Вюиттон», «Дольче и Габбана», «Селин», несколько итальянских ювелирных фирм. Крохотный городок был настоящим средоточием роскоши, и вся жизнь концентрировалась вокруг порта, а сельские пейзажи и окрестные горы были достойны кисти живописца. Собор Сан-Джорджо и отель «Спленидидо» стояли на двух утесах по обе стороны от гавани, обращенных к морю.

– Бог ты мой, обожаю это место! – просиял Адам, наблюдая за происходящим вокруг.

С соседней яхты в этот момент в воду нырнули молодые женщины в купальниках без верха. Грей уже рисовал, а Чарли сидел на палубе и с блаженным видом попыхивал сигарой. Это был его любимый итальянский порт, и он был счастлив остаться здесь так долго, как захочет. Чарли был убежден, что Портофино даст сто очков вперед любому порту во Франции. И здесь было намного спокойнее, чем в Сен-Тропе, где приходится отбиваться от репортеров или проталкиваться сквозь толпу на улицах, когда народ вываливает из баров и с дискотек. В Портофино царил патриархальный дух, город был напоен очарованием, беспечностью и самобытной итальянской красотой. Чарли обожал этот город, как и двое его друзей.

В город они отправились в джинсах и футболках, заказали столик в очаровательном ресторане недалеко от центральной площади, где уже бывали в предыдущие годы. Там их сразу узнали, ведь «Голубая луна» пользовалась известностью. Им выделили столик на веранде, откуда было удобно наблюдать за прохожими. Друзья заказали пасту, морепродукты и крестьянское вино. Грей самозабвенно рассуждал о местной архитектуре, когда из-за соседнего столика послышался женский голос.

– Двенадцатый век, – уточнила женщина. Грей в эту минуту рассказывал приятелям о соборе Сан-Джорджо и отнес его к четырнадцатому веку. Услышав реплику, Грей оглянулся. За соседним столиком сидела высокая, яркая женщина. На ней была красная блузка и пышная белая юбка. Темные волосы были заплетены в косу. Глаза зеленые, золотистая кожа, тронутая легким загаром. Поймав взгляд Грея, она рассмеялась. – Прошу прощения, – извинилась она, – это было невежливо. Просто я хорошо знаю, что замок был построен в двенадцатом, а не в четырнадцатом веке, вот и рискнула вас поправить. И вы, конечно, правы, этот замок – просто чудо, один вид чего стоит. Нигде в Европе больше нет такой красоты. Вообще-то, замок перестраивался в шестнадцатом веке, но построен был в двенадцатом. Не в четырнадцатом! – повторила она с улыбкой. – И собор тоже был выстроен в двенадцатом. – Женщина бросила внимательный взгляд на его футболку с пятнышками краски и, похоже, определила, что он художник. Ее слова прозвучали без малейшего высокомерия, скорее с долей смущения.

Женщина была настоящей красавицей, даже ее возраст – ей, скорее всего, было за сорок – не менял этого впечатления. Она сидела за большим столом в компании французов и итальянцев и свободно говорила с ними и на итальянском, и на французском.

– Вы искусствовед? – поинтересовался Грей.

– Нет, не искусствовед, – ответила она. – Просто любопытная особа, которая бывает здесь каждый год. У меня галерея в Нью-Йорке. – В этот момент Грей узнал женщину. Это была Сильвия Рейнолдс, известная личность в художественных кругах Нью-Йорка. Она дала путевку в жизнь нескольким современным художникам, которые теперь считались значительными фигурами в живописи. По большей части она выставляла авангардистские полотна, не имеющие ничего общего с тем, что писал Грей. Он не был знаком с Сильвией лично, но слышал о ней, несколько раз видел на вернисажах и уважал за то, что она делает. Она с дружелюбной улыбкой кивнула ему и оглядела двух его товарищей. В ней с первого взгляда чувствовались энергия и увлеченность. Ее руки украшали серебряные браслеты с бирюзой, и весь ее облик, ее стиль говорили о большом вкусе. – А вы – художник? Или испачкались, когда дом красили? – Робкой ее никак было не назвать.

– И то и другое, – улыбнулся в ответ Грей, встал из-за стола и протянул руку. – Меня зовут Грей Хоук. – Он представил своих друзей, она с улыбкой поздоровалась, после чего снова заговорила с Греем. Его имя не было для нее пустым звуком.

– Мне нравятся ваши работы, – от души похвалила она. – Простите, что я вас перебила. Вы не в «Сплэндидо» остановились? – поинтересовалась она, словно забыв о своих друзьях-европейцах.

За их столом было несколько красивых женщин и не менее привлекательных мужчин. А рядом с Сильвией сидела очень хорошенькая молодая женщина, говорившая по-французски. Адам заметил ее, едва они сели за свой столик, и все гадал, кем ей приходится сосед – мужем или отцом. Было видно, что они очень близки, и весь этот край стола был, несомненно, французским. Судя по всему, Сильвия была единственной американкой в компании.

– Нет, мы на яхте, – объяснил Грей.

– Счастливые! Надо полагать, на одной из тех больших красавиц? – улыбнулась она. Грей кивнул.

– Мой друг шутит, мы пришли сюда из Франции на веслах, а ночуем сегодня в палатке на пляже, – сострил Чарли, и женщина рассмеялась. – Мой друг не решился признаться. На ужин кое-как наскребли, а вот отель уже не потянем. А про яхту он сказал, чтобы произвести на вас впечатление. Он всегда так делает, когда женщина ему нравится.

– Что ж, я польщена. А для ночевки в палатке бывают места и похуже. Вы втроем путешествуете? – обратилась она к Чарли. Эти мужчины явно ее заинтересовали. Любопытная компания. Грей выглядит точно так, как и положено художнику. Адам, скорее всего, актер, а Чарли больше похож на банкира. Ей всегда нравилось угадывать профессии новых знакомых. И в каком-то смысле она была недалеко от истины. В Адаме действительно было нечто артистическое и эмоциональное, его нетрудно было представить на сцене. У Чарли был очень респектабельный вид, даже в джинсах и футболке и кроссовках «Гермес» на босу ногу. На трех плейбоев они никак не походили. Естественнее всего было для Сильвии вести беседу с Греем, тем более что она уже сама собой началась. Сильвия слышала их разговор, и если не считать ошибки, касающейся возраста замка, суждения Грея были интересны и точны. Похоже, он неплохо разбирался в архитектурных стилях.

Ее сотрапезники расплатились по счету и были готовы уходить. Вся группа поднялась. Сильвия тоже встала, и трое мужчин немедленно оценили стройность ее ног. Сильвия просто и естественно представила Грея, Адама и Чарли своим друзьям так, словно это были ее старые знакомые.

– Вы сейчас в отель? – спросил Адам у Сильвии.

Молодая французенка весь вечер на него поглядывала, и он решил, что ее спутник, скорее всего, все-таки отец, раз она так открыто флиртует с незнакомым мужчиной.

– Не сразу. Сначала немного пройдемся. Здешние магазины, как назло, работают до одиннадцати. Каждый год оставляю здесь кучу денег. Не могу удержаться, – ответила Сильвия.

– А можно вас пригласить что-нибудь выпить? – спросил Грей, осмелев. Он не собирався за ней приударять, но новая знакомая ему определенно понравилась. Она держалась так непринужденно, словно они были давними друзьями.

– Могу пригласить вас всех в «Сплендидо», что скажете? – предложила Сильвия. – Мы полночи в баре просидим. Когда бы ни пришли, наверняка нас застанете.

– Придем, – пообещал Чарли, и она поспешила за своей группой.

– Очко! – объявил Адам, дождавшись, когда она отойдет на приличное расстояние. Грей, однако, покачал головой.

– Не думаю. Она просто хочет поговорить об искусстве, – возразил он, но теперь головой покачал Адам.

– Не тебе очко, а мне, идиот! Ты видел француженку на том конце стола? Она с каким-то старпером, я сначала решил – муж, но не похоже. Она мне так глазки строила!

– О господи! – Грей закатил глаза. – Ты же только вчера трахался с этой немочкой! Маньяк!

– Да, я маньяк. А она очень хорошенькая.

– Кто? Сильвия Рейнолдс? – изумился Грей.

Она определенно была не во вкусе Адама. Раза в два старше его подружек. Она скорее могла бы заинтересовать Грея, но он оценил в первую очередь другое ее достоинство – знание современной живописи. В любом случае это было полезное знакомство – в нью-йоркских художественных кругах она была фигурой влиятельной. Оказалось, что Чарли тоже слышал о ней.

– Да нет, та, молодая! – ответил Адам. – Премиленькая крошка! Похожа на балерину. Правда, с европейками я иногда попадаю впросак. Знакомлюсь с какой-нибудь легкомысленной красоткой, а потом выясняется, что она учится на каком-нибудь заумном факультете – юридическом, философском, математическом.

– Адам, веди-ка себя прилично. Это может быть дочь Сильвии.

Впрочем, и это обстоятельство не остановило бы Адама. В отношениях с женщинами он не ведал условностей, никакой осторожности, сомнений. Только слово «брак» могло остудить его пыл. Тут он сразу останавливался.

Как и все приезжающие в этот гостеприимный город, после ужина они прошлись по площади, заглядывая в магазинчики, а ближе к полуночи направились в отель. И, как предсказывала Сильвия, вся их компания оказалась в баре. Они смеялись, болтали, курили, а завидя своих новых знакомых, Сильвия с улыбкой помахала им рукой. Стул рядом с красивой молодой француженкой, по счастью, оказался свободен, и Адам попросил разрешения присесть. Девушка улыбнулась и сделала приглашающий жест. Она заговорила на превосходном английском, хотя по акценту чувствовалось, что она француженка. Сильвия сказала Грею, что девушка – ее племянница. Чарли очутился между двумя мужчинами. Один был итальянец, другой – француз, и не прошло и нескольких минут, как они уже увлеченно обсуждали американскую политику и положение на Ближнем Востоке. Это был типично европейский разговор, когда собеседники стараются добраться до сути вопроса, не отвлекаясь на ерунду, и каждый высказывает аргументированное суждение. Чарли обожал такие дискуссии, а Грей увлекся беседой с Сильвией. Выяснилось, что она в юности изучала архитектуру, а последние двадцать лет по большей части живет в Париже. Она была замужем за французом, но уже десять лет как разведена.

– Когда мы развелись, я не представляла себе, чем заняться и где жить. Муж был художником, и я осталась без гроша. Хотела вернуться домой, но вдруг поняла, что у меня своего

дома давно нет. Я выросла в Кливленде, родители мои к тому времени уже умерли, дома после школы я уже не жила, поэтому я забрала детей и двинулась в Нью-Йорк. Нашла работу в галерее в Сохо, при первой же возможности с нуля открыла собственную, и, к моему удивлению, дело завертелось. И вот я здесь, через десять лет после возвращения на родину, и по-прежнему – хозяйка галереи. Моя дочь учится во Флоренции, а сын получает степень магистра в Оксфорде. Я и сама теперь не знаю, какого черта я делаю в Нью-Йорке. – Она вздохнула и улыбнулась Грею. – Расскажите мне, над чем вы сейчас работаете.

Грей увлеченно стал рассказывать о своем стиле, о своих пристрастиях. Сильвия слушала его, не перебивая. Это была ее стихия, и хотя она выставляла совсем другую живопись, это не мешало ей с интересом следить за тем, что делают художники другого направления. Работы Грея ей доводилось видеть несколько лет назад, и они Сильвии понравились. Они с удивлением обнаружили, что в Париже жили в нескольких кварталах друг от друга и примерно в одно время. И Сильвия без колебаний сообщила, что ей уже сорок девять лет, хотя, на взгляд Грея, больше сорока двух ей невозможно было дать. В Сильвии была какая-то необычайная сердечность и одновременно чувственность. Она не была похожа на американку или француженку, черные как смоль волосы и зеленые глаза скорее могли принадлежать представительнице какого-нибудь туземного племени из Южной Америки. Она держалась абсолютно непринужденно, и с новым знакомым ей явно было очень легко. Они были почти ровесниками, их профессиональные интересы были близки. Она тоже любила писать маслом, но не считала себя хорошим художником. Для нее это было лишь хобби. Сильвия обожала живопись, многое знала об архитектуре, внимательно следила за современными тенденциями в искусстве.

Они просидели в баре до трех часов ночи.

– Нам пора, – сказал наконец Чарли. Все трое были довольны вечером. Чарли многое обсудил со своими собеседниками. Грей с Сильвией тоже были увлечены долгой беседой, а Адам, хоть племянница Сильвии и была неоспоримо хороша, неожиданно для себя увлекся беседой с одним римским адвокатом и получил удовольствие от их жаркого спора не меньшее, чем получил бы от флирта с девушкой. Расставались они все с явным сожалением.

– Не хотите провести завтрашний день на яхте? – обратился Чарли ко всей компании.

– Разве мы поместимся на гребном ялике? – рассмеялась Сильвия. – Придется нам по очереди в него садиться.

– К завтрашнему дню я придумаю что-нибудь посolidнее, – пообещал Чарли. – Мы заберем вас в порту в одиннадцать. – Он записал Сильвии, как звонить на яхту – на случай, если будут изменения. Они расстались друзьями, и три друга двинулись в порт, где их ждал катер. Вот за это они и любили свои путешествия – за возможность посетить интересные места и познакомиться с интересными людьми. Все согласились, что сегодняшний вечер прошел на редкость удачно.

– Потрясающая женщина! – восхищенно воскликнул Грей, и Адам рассмеялся.

– Слава богу, я точно знаю, что ты не влюбился, – заметил он, когда они уже подошли к порту. Катер был на месте, рядом их поджидали двое матросов. Когда у Чарли на яхте гостили друзья, этот катер всегда был наготове.

– Откуда ты знаешь, что я не влюбился? – удивился Грей. – Но, впрочем, ты угадал. Но мне было с ней интересно. Я получил удовольствие от общения. Она очень искренняя и столько всего знает! Серьезный человек!

– Не спорю. Это было видно по вашему разговору. Именно поэтому я и говорю, что ты не влюблен: потому что она не сумасшедшая. Абсолютно нормальный человек. Никто не угрожает ее жизни, она не подвергается насилию, и она не проходила курс лечения от алкоголизма. Да, Грей, с тобой у нее никаких шансов, – подшучивал Адам. Сильвия никак не походила на тех особ, с которыми обычно знался Грей. Она производила впечатление

уравновешенной цельной натуры, делающей свое дело успешно. Словом, она – воплощение нормальности.

– Как знать, как знать, – загадочно проговорил Чарли. – В Портофино случаются и чудеса, это очень романтическое место.

– Ну, не настолько уж и романтическое, – возразил Адам. – Если только завтра к одиннадцати часам у нее не случится нервный срыв или внезапное умопомрачение.

– Увы, друг мой, ты прав, – признал Грей. – Я питаю роковую слабость к женщинам, нуждающимся в помощи. Когда от нее ушел муж, она забрала детей и без цента в кармане переехала в Нью-Йорк. Через два года она уже владела галереей, которая теперь является одной из самых преуспевающих в Нью-Йорке. Такие женщины в спасателях не нуждаются. – Грей хорошо себя знал, да и его друзья тоже. Впрочем, Чарли еще не терял надежды на его счет. Он и на свой счет не терял надежды.

– Это внесло бы хоть какое-то разнообразие, – пробормотал Адам.

– Я, пожалуй, стану с ней дружить, – задумчиво сказал Грей. – Это дело вернее будет.

Наутро новые знакомые поднялись на борт, когда трое друзей заканчивали завтракать. Чарли показал им яхту, и вскоре они вышли в море. Все были в восторге – яхта и впрямь была замечательная.

– Чарли говорит, вы каждый год путешествуете по целому месяцу. Как это здорово! – заметила Сильвия, с улыбкой глядя на Грея.

Они оба пили безалкогольный коктейль. Грей решил, что общаться с Сильвией лучше на трезвую голову. Проблем с алкоголем ни у кого не было, но все честно признались, что на яхте обычно пьют больше обычного, как вырвавшиеся из дому подростки. Рядом с Сильвией хотелось быть достойным собеседником – настолько она сама была умна и интересна. Грей и Сильвия не искали темы для разговора – им нравилось перескакивать с предмета на предмет, но особенно долго они говорили об итальянских фресках эпохи Возрождения.

Когда яхта встала на якорь, все надели купальные принадлежности и кинулись в воду. Резвились, как дети. Двое молодых мужчин встали на водные лыжи, а Адам оседлал гидроцикл, усадив с собой племянницу Сильвии.

Купание и водные забавы продолжались почти до двух часов, а к тому времени на яхте стюарды накрыли роскошный стол. Все уселись за обильную трапезу с итальянским вином, застолье и увлеченная беседа закончились не скоро. Адаму пришлось проявить свое умение вести серьезный разговор в беседе с племянницей Сильвии – выяснилось, что девушка изучает политологию в Париже и собирается продолжать свое образование после окончания Сорбонны. Она, как и Сильвия, была не из тех, кто порхает по верхам. Ее отец был министром культуры, а мать хирургом в известной клинике. Оба брата тоже пошли в медицину. А сама девушка говорила на пяти языках и подумывала еще и о втором, юридическом образовании. Она всерьез намеревалась делать карьеру в политике. Такой девушке силиконовая грудь от него явно не требуется. Адам был даже слегка обескуражен – такой образованной собеседницы у него давно не было. Он не привык видеть в столь юной женщине подобную глубину суждений и широту знаний. Чарли, проходя мимо них, улыбнулся, услышав разговор: девушка рассуждала о валютной бирже, а Адам, судя по его виду, был явно не в своей тарелке. Он просто оробел, как позже сам признался. Да, этой девице неотразимый Адам был неинтересен. По крайней мере, сам он пришел к такому выводу.

Сильвия и Грей по-прежнему были погружены в свой профессиональный разговор, к взаимному удовольствию обоих. Они переходили от одной темы к другой, обсуждали работы знакомых художников и даже откровенно сплетничали о них. Чарли наблюдал за ними с отеческим умилением. Он, как гостеприимный хозяин, следил, чтобы все чувствовали себя на борту как дома и ни в чем не нуждались.

День выдался такой чудесный, что было решено остаться на яхте и на ужин, благо хозяин сам этого пожелал. Время близилось к полуночи, когда они наконец подошли к порту, сделав по пути остановку, чтобы поплавать в лунном свете. Сильвия отлично плавала, похоже, она все, за что бралась, делала отлично. Грей был искренне изумлен – прежде он не встречал такой женщины. Они рядом плыли назад к яхте, и Грей впервые пожалел, что не следит за своей физической формой. Он вообще никогда об этом не задумывался. Сильвия же была в прекрасной форме и плыла легко и красиво. Ее фигура была достойна восхищения, но она словно и не обращала на это внимания. А вот ее племянница, кажется, получала удовольствие, флиртуя с Адамом. Сильвия лишь улыбалась, наблюдая за этой парой. Не в ее привычке было вмешиваться в дела близких, тем более что ее племянница уже взрослая женщина и вольна вести себя так, как считает нужным.

Прощаясь, Сильвия спросила у Грея, не составит ли он ей назавтра компанию при посещении собора Сан-Джорджо. Она и прежде бывала там, но всякий раз по приезде отправлялась туда снова. Грей с готовностью согласился и пообещал быть в порту в десять часов. В этом приглашении не было ничего двусмысленного – просто Сильвия сказала, что через день они отбывают, и Грей обрадовался возможности лишний раз пообщаться.

– Какие симпатичные люди, – заметил Чарли, когда гости разъехались, и Адам и Грей с ним согласились. День прошел изумительно, новые знакомые оказались думающими и приятными людьми. – Странно только, что племянница Сильвии не осталась ночевать. Ты что же, не сумел ее очаровать? – поддразнил он Адама. Тот недовольно пожал плечами.

– По-моему, я для нее недостаточно образован. Поговоришь с этой девчонкой – мой Гарвард меркнет. Мы обсудили вопросы законодательства, особенности толкования американской системы юстиции, конституционное право Штатов в сравнении с французской правовой системой – и в результате я себя чувствую полным идиотом. Она любого мужика заткнет за пояс. Ей надо бы водить дружбу с моими гарвардскими профессорами, а не с такими, как я, юристами.

Эта девушка напомнила Адаму Рэчел в юности, которая блистала в учебе настолько, что окончила Гарвард с отличием, и это сходство моментально остудило его пыл. Он оставил попытки приударить за этой умницей. Она весь день поражала его своим интеллектом, ему это нравилось, будоражило кровь, но в конечном итоге Адам устал и почувствовал себя стариком. Его мозги уже с такой нагрузкой не справлялись. Лучше уж оплачивать приятельницам силиконовые имплантаты и новые носы, чем пытаться состязаться с ними в интеллекте. У Адама появилось чувство неполноценности, отчего уверенности в нем заметно поубавилось, а вместе с этим и любовного влечения.

Трое друзей выпили на палубе по бокалу вина, после чего перешли к сигарам, а затем и вовсе разбрелись по каютам. Никаких планов на следующий день у них не было, и Адам с Чарли объявили, что намерены долго спать. Зато Грей с удовольствием думал о завтрашней экскурсии. Спускаясь в каюту, он упомянул об этом Чарли, и тот порадовался за друга. Он очень одобрил новое знакомство Грея. Ему давно следовало заручиться поддержкой такого авторитетного в своих кругах специалиста, как Сильвия. Грей – талантливый художник, но он совершенно не умеет устраивать свои дела, а в этом Сильвия, с ее обширными связями в Нью-Йорке и Европе, могла бы ему помочь. Роман у них вряд ли получится, но, возможно, она сможет стать для Грея другом. Чарли удивило, что такая обаятельная женщина путешествует без спутника, а в многочисленной компании. Мужчины, особенно европейцы, отдают должное женщинам умным, красивым и стильным, а Сильвия обладала всеми этими достоинствами. В жизни Чарли так сложилось, что все его приятельницы были вдвое моложе его. В Штатах двадцатилетние и тридцатилетние женщины были в большом спросе, ведь они молоды. Другое дело – ровесницы Сильвии, солидные американские мужчины сторонятся таких дам, особенно образованных и успешных. Девушки, с которыми встречался Адам,

считались более привлекательными, нежели женщины с интеллектом. Чарли знал многих женщин в Нью-Йорке – умных и успешных, которые остались одни. Мысленно он попытался представить себе мужчину, который бы составил счастье Сильвии. Увы, конкретный образ никак не складывался. Впрочем, сама Сильвия дала им понять, что независимый образ жизни ее вполне устраивает. Ее нисколько не смущало одиночество, и она явно не стремилась устроить свою жизнь. Чарли еще вчера, за сигарой, поделился своими наблюдениями с друзьями.

На другое утро, поднимаясь следом за Сильвией на холм к Сан-Джорджо, Грей убедился, что Чарли насчет Сильвии был абсолютно прав. Грей попытался разговорить Сильвию и задал несколько вопросов о ее личной жизни.

– Ты не собираешься замуж? – осторожно спросил он.

– Сейчас уже нет, – подбирая слова, ответила Сильвия. – Мне нравилось быть замужней женщиной, но не уверена, что опять пошла бы на это. Мне иногда кажется, что меня привлекает не сам мужчина, а стабильная жизнь, с раз и навсегда определенным кругом обязанностей. Мой муж был художник, к тому же страдающий нарциссизмом. Центр Вселенной. Я его боготворила – не меньше, чем он боготворил себя. Больше для него никого и ничего не существовало, – искренне и откровенно рассказывала она. В ее голосе не было горечи, все осталось в прошлом, и Грей это явственно слышал. – Ни детей, ни меня – никого. Жизнь вращалась только вокруг него. Наступает момент, когда тебе это надоедает. Правда, если бы он не ушел к другой, я бы до сих пор, наверное, была с ним. Он бросил меня в пятьдесят пять лет, мне тогда было тридцать девять. К тому времени все мои восторги остались в прошлом. А ушел он к девятнадцатилетней. Они поженились, за три года нарожали троих детей, после чего он и ее бросил. Я по крайней мере продержалась дольше. Двадцать лет он был со мной. А с ней – всего четыре.

– Надо полагать, от нее он ушел к двенадцатилетней? – съязвил Грей. Ему было обидно за Сильвию. Такая женщина стоила большего. Но она – молодец, не дала сбить себя с ног, уехала в Нью-Йорк с двумя детьми и без гроша за душой. И без малейшей помощи от бывшего мужа.

– Нет, последней был двадцать один. Старовата для него, конечно. Когда мы поженились, мне было девятнадцать. Я тогда в Париже в университете училась. А две последние его пассии были у него моделями.

– А с детьми он видится?

Сильвия качнула головой.

– Нет, за девять лет он с ними виделся дважды, они очень переживали. А в прошлом году он умер. У моих детей осталось много не заданных ему вопросов, хотя бы о том, какое место они занимали в его жизни. Для меня это тоже была утрата. Я его любила, но с самовлюбленными эгоистами всегда так получается. В конечном счете, им никто, кроме себя, не нужен. Им не дано любить другого. – Она просто констатировала факт. В ее голосе слышалось сожаление, но не ожесточение.

– Я тоже знал таких женщин. – Грей не хотел ей рассказывать, с каким безумием ему приходилось сталкиваться в его жизни. Объяснить это практически невозможно, вряд ли другой человек сможет это понять. А выглядеть в глазах Сильвии наивным простаком ему не хотелось. – И тебе больше никогда не хотелось начать все заново – с другим человеком? – Он понимал, что вопрос отчасти бестактный, но что-то подсказывало ему, что Сильвия не станет обижаться. Ее прямота и откровенность изумляли Грея. У него такое чувство, словно она ничего не пытается утаить, хотя душевные раны у нее наверняка есть. К этому возрасту у кого их нет?!

– Нет, у меня ни разу не возникало желания выйти замуж. Да я и смысла не вижу – в моем-то возрасте. Дети у меня уже есть, рожать я больше не собираюсь. Институт брака свя-

ценен, я в этом глубоко убеждена. Только вот не знаю, так ли уж он ценен теперь для меня. Скорее – нет. Боюсь, у меня для замужества мужества не хватит. После развода я шесть лет жила с одним человеком. Необыкновенная была личность, талантливый художник, скульптор. У него была жесточайшая депрессия, а лечиться он отказывался. Он был алкоголиком, вся жизнь кувырком. Я его все равно любила, но это было невыносимо. Ты себе даже представить не можешь. – Она замолчала, и Грей внимательно на нее посмотрел. У нее было страдальческое выражение лица, и ему захотелось узнать причину этого страдания. Он хотел знать о ней все.

– Ты от него ушла? – спросил Грей.

– Нет, не ушла, а надо было. Может, тогда он бы бросил пить или стал бы лечиться. Хотя, кто знает... – В ее голосе слышалась печаль, словно она уже давно свыклась с перенесенной трагедией и утратой.

– Он сам от тебя ушел? – Невозможно было представить, чтобы кто-то мог так обойтись с Сильвией, да еще дважды. Однако мир полон странных людей, которые упускают свой шанс, не дают себе стать счастливыми и в конечном итоге губят собственную жизнь. И ничего с этим не сделаешь. Он это уже хорошо усвоил.

– Нет, он покончил жизнь самоубийством, – тихо проговорила Сильвия, – три года назад. Я долго не могла примириться со случившимся. Когда в прошлом году отец моих детей, Жан-Мари, умер, тоже было тяжело. Утрата всколыхнула воспоминания, так, наверное, часто бывает. Но что случилось, то случилось, и ничего нельзя изменить, как бы сильно я его ни любила. Он просто не мог жить дальше, а я ничем не могла ему помочь. Надо было с этим смириться. – По голосу Сильвии Грей понял, что ей это удалось. Ей многое пришлось пережить, но она выстояла. Достаточно было на нее посмотреть, чтобы увидеть, насколько это жизнестойкая, сильная женщина. Грею захотелось обнять ее, но он поостерегся, ведь Сильвия могла неправильно истолковать этот жест. А права такого у него нет – ведь они знакомы всего пару дней.

– Мне очень жаль, – мягко проговорил Грей, переполняемый эмоциями. После стольких безумных девиц в его жизни, превращавших в трагедию каждое мгновение, наконец перед ним была совершенно нормальная женщина, пережившая подлинную трагедию и не давшая себя сломить. Наоборот, она сумела извлечь урок из своих потерь.

– Спасибо.

Она улыбнулась ему, и они вместе вошли в собор. Они обошли его внутри и снаружи. Это было прекрасное строение двенадцатого века, Сильвия показывала Грею такие детали, на которые он прежде не обращал внимания, хотя и бывал здесь не раз. Прошло два часа, прежде чем, посидев в тишине собора, они тронулись в обратный путь.

– Расскажи мне о своих детях, – попросил Грей. Он мог предположить, что Сильвия, сильная и цельная личность, – прекрасная мать, хотя представить ее в этом качестве он не мог. Для него пусть лучше она будет только другом.

– Интересные ребята. Умные, – ответила Сильвия с гордостью, и Грей улыбнулся. – Дочка – художница, учится во Флоренции. А сын – историк, изучает Древнюю Грецию. Он несколько похож на отца, только, слава богу, сердцем мягче. Дочь унаследовала от отца талант, а не другие его качества. Она очень на меня похожа. Я хотела бы в будущем передать ей галерею, но боюсь, что она этого не захочет. У нее своя жизнь. Но я надеюсь, что гены еще заявят о себе, все-таки генетика – наука объективная, и моя дочь рано или поздно пойдет той же дорогой, что и я.

Они поравнялись с небольшим кафе, и Грей пригласил Сильвию на чашку кофе. Когда они устроились за столиком, Сильвия сказала:

– Расскажи теперь ты о себе. Почему ты один?

– Ты только что сама сказала. Все дело в генах. Я вырос в приемной семье и понятия не имею, кто мои настоящие родители. По-моему, это ужасно, не знать, кто ты и откуда, что ты можешь передать своим детям по наследству. А вдруг у меня в роду был маньяк-убийца? Зачем мне кого-то так подставлять? А кроме того, детство у меня было совершенно безумное. Я рос с убеждением, что детство – это такое проклятие. Никому такого не желаю.

И он коротко рассказал ей о своем прошлом. Об Индии, Непале, Карибах, Бразилии, Амазонке. Оказывается, расти в семье, где ни отец, ни мать понятия не имеют о том, что делают, травят себя наркотиками и в конце концов находят своего бога, это все равно что изучать атлас мира. За чашкой эспresso всего не объяснишь, но Грей постарался. Сильвия слушала его с возрастающим интересом.

– Так, может быть, среди твоих настоящих предков был и художник. Он-то и передал тебе по наследству дар живописца.

– Возможно. А сколько в моей жизни было психов – у меня и родители такими были, да и женщины все больше такие попадались. Ни от одной из них я бы не рискнул завести ребенка. – Грей был абсолютно искренен – точно так же, как до этого Сильвия.

– Неужели все так безнадежно? И никакой надежды на будущее?

– Абсолютно. – Он усмехнулся. – Всю жизнь кого-то спасаю. Одному богу известно, зачем мне это. Я даже думал, что таково мое предназначение, во искупление всех моих грехов.

– Я тоже раньше так думала. Мой друг-скульптор был такой же. Я все старалась ему помочь, сделать как лучше, а в конечном итоге ничего у меня не вышло. Так всегда бывает: за другого ничего сделать нельзя. – Как и Грей, Сильвия испытала это на себе. – Любопытная вещь получается: когда с нами поступают несправедливо, мы возлагаем ответственность на себя. Начинаем копать в себе, задумываемся над тем, что мы сделали не так. А оказываемся без вины виноватыми.

– Я тоже пришел к такому выводу, – поддакнул Грей. Ему было неловко признаваться, с какими неудачницами он обычно имел дело и с каким завидным постоянством они оставляли его. У Сильвии тоже испытаний хватало, но она не впала в пессимизм.

– Ты к психотерапевту не ходишь? – вдруг спросила она.

– Нет. Я читаю книги по психологии. А вообще-то я оплатил, наверное, тысячу часов консультаций своих приятельниц. А вот до себя руки не доходили. Я считал, со мной все в порядке, ведь это они чокнутые. А может, все как раз наоборот? Наступает момент, когда надо честно себя спросить: зачем, собственно, ты связываешься с такими? Из этого все равно ничего путного не выйдет. Их уже не изменить. – Он улыбнулся, и Сильвия рассмеялась. Она тоже пришла к такому выводу, вот почему после самоубийства ее скульптора избегала серьезных отношений.

Два года она потратила на то, чтобы прийти в себя, регулярно ходила к психотерапевту. В последние полгода даже отважилась на несколько свиданий, один раз – с молодым художником, который оказался большим ребенком, страшно избалованным, и дважды – с мужчинами на двадцать лет ее старше. Но потом поняла, что это уже не для нее, да и двадцать лет разницы – это чересчур. Мужчины ее возраста предпочитали молодых. Потом было еще несколько ничего не значащих встреч. На данный момент Сильвия для себя решила, что одной ей лучше. Ей не нравилась такая жизнь, не нравилось спать одной в холодной постели. Выходные после того, как разъехались дети, стали невыносимо одинокими, да и вообще она чувствовала, что рано ей еще сдаваться. Но они с ее аналитиком не исключали возможности, что она больше никого не встретит, и Сильвия хотела научиться с этим жить. Это лучше, чем если кто-то снова начнет переиначивать ее жизнь. Отношения казались чем-то слишком сложным, но и одиночество – слишком тяжелым. Она стояла на перепутье, еще не старая и уже не молодая, немолодая, чтобы сойтись не с тем человеком, или с чересчур тяжелым

по характеру, и достаточно нестарая, чтобы смириться с одиночеством на всю оставшуюся жизнь. Но сейчас она уже понимала, что это вполне может случиться. Ее это пугало, но страх новых испытаний и, возможно, трагедий был сильнее. Она старалась жить сегодняшним днем, вот почему в ее жизни не было мужчины и она путешествовала с друзьями. Все это она исключительно бесхитростно поведала Грею. И в ее словах не было ни тени уныния, отчаяния или смущения. Это была женщина, стремящаяся понять, что для нее лучше, и способная в полной мере отвечать за свои поступки и решения. Грей изумлялся ее искренностью и восхищался ею.

– Ну что, напугала я тебя? – спросила Сильвия.

– Не очень. Это правда жизни, хоть и тяжелая. Жизнь вообще штука непростая. Ты – одна из немногих нормальных женщин, которых я знаю. О женщинах, с которыми я имел дело, я вообще не говорю. Они теперь, наверное, все пристроены по психушкам. Не знаю, с чего я возомнил себя Господом Богом и вздумал что-то менять в их жизни, ведь по большей части в том, что с ними творилось, были виноваты они сами. Ну почему я решил, что должен нести этот крест?! Я больше не в силах этим заниматься, так что пусть уж я лучше буду один. – После всего, что рассказала Сильвия, его тоже потянуло на откровенность. Пожалуй, за много лет это был его первый нормальный откровенный разговор с нормальной женщиной. И эту возможность нормального общения Грей не хотел потерять. Грей не знал, как могут сложиться их отношения, но он определенно хотел, чтобы они не заканчивались в этот вечер. – Давай увидимся в Нью-Йорке, – по-детски трогательно проговорил он. – В кино сходим, а?

– С удовольствием, – не ломаясь, ответила Сильвия. – Только предупреждаю: у меня ужасный вкус. Дети со мной в кино не ходят. Я ненавижу заумные европейские фильмы, не выношу на экране секс, насилие, трагические финалы и наивную чушь. Если ты привык, выходя из кинотеатра, размышлять над тем, что все это значило, тогда лучше тебе пойти с кем-нибудь другим.

– Отлично! Значит, мы будем смотреть старые выпуски мыльных опер – например, «Я люблю Люси», – и диснеевские фильмы из видеопроката. Попкорн твой, кассеты мои.

– По рукам! – Сильвия улыбнулась.

Грей проводил ее до отеля, а прощаясь, обнял и поблагодарил за чудесно проведенное время.

– Тебе обязательно уезжать завтра? – с сожалением спросил он.

Ему хотелось быть рядом с ней, здесь, в Портофино. Или, на худой конец, быть уверенным в том, что увидит ее в Нью-Йорке. Он еще не встречал женщины, с которой хотелось говорить еще и еще. Все его прежние отношения с женщинами складывались по иному сценарию, и сейчас Грей был беспомощен и неуверен в себе. Он настолько привык быть чьей-то опорой, что ему и в голову никогда не приходило искать женщину, которая могла бы стать ему другом. А Сильвия Рейнолдс как раз была такой женщиной. Казалось, глупо в пятьдесят лет в Портофино найти женщину своей мечты. Грей попытался представить, что сказала бы на это Сильвия. Может, поспешит избавиться от него, как и прежние его подружки? Вряд ли – ведь она совершенно нормальная, красивая и умная, беззащитная, открытая и настоящая.

– Мы завтра уезжаем, – твердо проговорила она. Ей тоже было жаль расставаться, это ее пугало, правда, она совсем недавно говорила своему психоаналитику, что созрела для новых отношений, но сейчас ей вдруг захотелось убежать, спрятаться, пока не случилось чего-то неожиданного. Но в глубине души Сильвия призналась себе, что тоже надеется на новую встречу с Греем. Она смотрела на него, и в душе ее боролись противоречивые порывы. – На выходные мы отправляемся на Сардинию, а потом мне нужно быть в Париже – повидаться кое с кем из художников. А потом я неделю проведу на Сицилии с детьми. В Нью-Йорке буду через две недели.

– А я – через три, – сказал Грей, сияя. – Кажется, мы тоже собирались на Сардинию в ближайшие дни. Это наша следующая остановка. – Стоило ему услышать, что Сильвия будет на Сардинии, как его тоже туда потянуло. Главное, чтобы Чарли с Адамом не воспротивились, когда он предложит им такой вариант.

– Ну что ж, нам везет, – с улыбкой проговорила она, чувствуя себя помолодевшей. – А сегодня, сегодня, может, присоединитесь к нам за ужином? Будет хорошая паста, но плохое вино – не чета тому, к какому вы с друзьями привыкли.

– Не преувеличивай. Если ты когда-нибудь рискнешь прийти ко мне на ужин, ты вряд ли будешь пить то, что я обычно пью сам.

– В таком случае вино я принесу с собой. Спасибо, что предупредил, – улыбнулась Сильвия. – А ты будешь готовить ужин. Из меня кухарка никакая.

– Отлично! Рад услышать, что и у тебя есть недостатки. Вообще-то, я неплохо готовлю. Паста, такос, буритос, гуляш, мясной рулет, салат, блинчики, омлет, макароны с сыром – выбирай.

– Блинчики! Обожаю! У меня они вечно подгорают. – Она рассмеялась, а он улыбнулся, радуясь перспективе угостить ее своей стряпней.

– Замечательно. Значит, выбор сделан: «Я люблю Люси» и блинчики. Какое мороженое подать на десерт? Шоколадное или ванильное?

– Мятное с шоколадной крошкой, ежевичное или бананово-ореховое, – без раздумий выпалила Сильвия. Ей было удивительно легко в обществе Грея. И это ее пугало. Давно она не чувствовала такого радостного волнения, давно у нее не возникало желания очаровать мужчину. А этому она хотела понравиться, потому что он понравился ей.

– О боже! Фирменное мороженое. А обычное тебе не подходит?

– Мороженое и вино я привезу с собой, раз тебя это беспокоит.

– И попкорн не забудь! – напомнил он, уже чувствуя, что предстоящая встреча будет чудесной. Эта женщина словно преображала мир, и он становился солнечнее и прекраснее. Грей был почти счастлив. – В котором часу сегодня ужинаем? – спросил он и снова ее приобнял. Чисто дружеское объятие, ничего такого, что могло бы ее отпугнуть или послужить прологом к продолжению отношений. Потом что-то может и измениться, кто знает... Не стоит сейчас загадывать и фантазировать – жизнь покажет.

– В девять тридцать в «Да Пуни». До встречи. – Она улыбнулась и, помахав рукой, скрылась за дверями отеля. Грей бодро зашагал к порту, где его ждал катер с матросом. Всю дорогу улыбка не сходила с его лица, с таким выражением он предстал перед Чарли на борту яхты. Время подошло к обеду, и друзья ждали его, чтобы сесть за стол.

– Долго же вы осматривали собор, – с усмешкой проговорил Чарли, вглядываясь в приятеля. – Случайно предложения не сделал?

– Следовало бы, да я что-то струхнул. К тому же у нее двое детей, а ты знаешь мое отношение к детям.

Чарли расхохотался, он не воспринял слова Грея всерьез:

– Какие они дети? Они уже взрослые! А кроме того, она живет в Нью-Йорке, а они – в Европе. Тут тебе ничто не грозит.

– Пожалуй. Но дети есть дети, в любом возрасте.

Чарли хорошо знал, что Грей терпеть не может семейных разборок. После этого Грей сказал о приглашении на сегодняшний ужин, и друзья оживились. Адам же внимательно посмотрел на Грея.

– Ты что, влюбился? – недоверчиво спросил он, а Грей сделал вид, что это его рассмешило. Он не был готов обсуждать это с друзьями. Пока ничего не случилось, просто ему понравилась женщина, хотелось бы надеяться, что и он – ей. Говорить пока было не о чем.

– Не гони коней! Во всяком случае, фигура у нее – закачаешься. Но, увы, в ней есть один непоправимый изъян.

– Какой изъян? – оживился Чарли. Женские недостатки всегда пробуждали в нем живой интерес.

– Она психически здорова. Боюсь, она мне не подходит.

– Так я и знал! – воскликнул в сердцах Адам.

Грей сообщил, что их новые знакомые завтра отбывают на Сардинию, и предложил последовать их примеру. Портофино – чудесный городок, но все сошлись на том, что без компании здесь будет не так весело. План Грея был одобрен. Чарли предложил отплыть уже сегодня, после ужина, чтобы за ночь пройти часть пути. Если отбыть до полуночи, завтра к ужину можно уже быть на Сардинии. Здорово будет встретиться с той же компанией уже в Порто-Черво, и уик-энд может пройти замечательно. Если Адам все же наберется смелости, у него будет еще один шанс приударить за племянницей Сильвии. Впрочем, вся компания и так была им по душе. Отличные ребята!

Чарли сообщил капитану о новых планах, и тот пообещал подготовиться к отплытию. Ночные переходы легче для пассажиров, но сложнее для команды. Впрочем, этой команде было не впервой. Пока Чарли с друзьями будут ужинать на берегу в ресторане, экипаж выпится, а как только пассажиры вернутся на борт, яхта сможет отплыть. Тогда завтра к ужину они прибудут на место.

За ужином Грей занял место напротив Сильвии, которая была оживлена и разговорчива. Она понимала, что нравится Грею, и немного смущалась. Но демонстрировать при всех свою симпатию к нему она пока не хотела.

Ужин прошел чудесно, в оживленных разговорах, нарушаемых взрывами смеха. Ничто в поведении Сильвии не выдавало ее чувств к Грею. Прощаясь, она расцеловала всех троих друзей и пообещала встречу на следующий вечер в «Яхт-клубе» Порто-Черво. Грей долго смотрел вслед уходящей Сильвии, но она не обернулась, продолжая что-то обсуждать с племянницей.

– Ты ей нравишься, – уверенно констатировал Адам, когда они возвращались на катер.

– Она мне тоже, – буркнул Грей, устраиваясь на скамье катера. Впереди покачивалась на волнах «Голубая луна».

– Да нет, ты ей по-настоящему нравишься! Мне кажется, она бы не прочь с тобой переспать.

– Она не такая, – с каменным лицом отрезал Грей, не желая выслушивать сальные комментарии в адрес Сильвии. Ему вдруг захотелось сказать Адаму что-то резкое.

– Да брось! Она красивая женщина, должна же она иметь партнера по сексу! Почему бы не тебя? Или ты считаешь, она для тебя стара? – размышлял вслух Адам.

– При чем тут ее возраст! Тут другое. Я же говорю: она слишком нормальная для меня.

– Это похоже на правду. Но даже нормальные женщины ложатся с кем-то в постель.

– Спасибо, ты просто открыл мне глаза. Я это учту. На случай, если попадется еще одна такая. – Грей повернулся к Чарли, который с интересом следил за их перебранкой. Он тоже начал подозревать, что между Греем и Сильвией что-то есть.

– Вряд ли, другую такую ты определенно не встретишь, – рассмеялся Адам, и все трое поднялись на борт. Перед сном они сидели на палубе под луной, потягивали бренди, а команда выбрала якорь и встала на курс. Грей смотрел, как танцует на волнах лунная дорожка, думал о Сильвии, представлял ее в номере отеля. Еще несколько дней назад он бы и поверить не смог, что с ним такое может произойти. А впереди – свидание в Нью-Йорке, а потом – кто знает? А еще его ждет уик-энд на Сардинии. Он впервые за много лет вновь чувствовал себя мальчишкой, правда, пятидесяти лет от роду и влюбленным в сорокадевятiletнюю девочку.

Глава 4

Сардиния оправдала все ожидания. Было весело с компанией друзей Сильвии, потом к ним присоединились еще две итальянские пары, и Чарли возил всех на яхту, где они обедали и ужинали, катались на водных лыжах и много купались. У Грея с Сильвией появилась возможность узнать друг друга получше, хотя и на виду у всех. Понаблюдав за ними на протяжении выходных, Адам пришел к заключению, что ничего, кроме дружеской симпатии, между ними нет. Чарли не был в этом так уверен, но держал свои впечатления при себе. Он знал, если Грей захочет, он сам ему все расскажет. Чарли тоже много общался с Сильвией. Они говорили о делах фонда и о ее галерее, поговорили о художниках, с которыми она работает. Было видно, что Сильвия увлечена своим делом. И что Грей ей нравится, тоже чувствовалось. Они несколько раз надолго уединялись, вместе купались, танцевали в ночных клубах и много смеялись. К концу выходных у всех было такое чувство, будто они знакомы целую вечность. А когда Сильвия с компанией уехала, Чарли с друзьями на два дня поплыли на Корсику. На прощание Грей о чем-то шептался с Сильвией, обещал звонить, как только вернется в Нью-Йорк. Она улыбнулась, обняла его и всем пожелала удачного завершения отдыха.

С Корсики они пошли на Искию, а оттуда – на Капри. После этого прошли вдоль западного побережья Италии, а на последнюю неделю вернулись на Французскую Ривьеру и бросили якорь в Антибе. Ходили по ночным клубам и ресторанам, совершали пешие прогулки и набеги на магазины, купались, знакомились с новыми людьми, танцевали и флиртовали. В один из последних вечеров ужинали в ресторане «Эден-Рок». Все были едины во мнении, что отдохнули они великолепно.

– Давай с нами зимой на Сен-Бартс! – пригласил Адам Грея, имея в виду карибский остров, где живут и отдыхают многие представители элиты шоу-бизнеса. Он всегда две новогодние недели проводил с Чарли на яхте. Но Грей ответил, что ему вполне хватает одного летнего месяца, к тому же он терпеть не мог Карибы. И друзья знали почему – слишком много не самых светлых воспоминаний было связано у Грея с этими местами.

– Может, когда-нибудь я и соберусь с вами, – уклончиво проговорил Грей. Чарли сказал, что очень на это надеется.

Последний вечер на Средиземном море был, как, впрочем, случалось и раньше, окрашен грустью, не хотелось расставаться и возвращаться к каждодневным заботам. Адаму предстояло провести неделю с детьми в Лондоне, потом свозить их на уик-энд в Париж, где у них уже были забронированы номера в «Ритце». Такой вот намечался переход от сибаритства на «Голубой луне» к деловой насыщенной жизни. Грей же вылетал из Ниццы прямым рейсом в Нью-Йорк и попадал из роскоши и праздности в аскетическую атмосферу своей студии в доме без лифта в районе Митпэкинг в Вестсайде, который в последнее время стал таким модным – впрочем, на студии Грея это никак не отразилось, она как была, так и осталась весьма скромной и не слишком удобной. Зато и обходится она Грею недорого. Ему уже не терпелось добраться до дома и позвонить Сильвии. Он думал позвонить ей еще с яхты, но не хотел вводить в расход Чарли, считая это неприличным. Он помнил, что Сильвия намечалась быть в Нью-Йорке на неделю раньше его. А Чарли оставался во Франции, на своей яхте, где ему предстояли еще три недели блаженного уединения. Правда, после отъезда друзей ему всегда становилось одиноко. Он отпускал их с большой неохотой.

Утром в день отъезда Грей с Адамом вместе отправились в аэропорт на лимузине, который им заказал старший стюард. Чарли стоял на корме и махал им вслед. Уезжали его самые близкие друзья, прекрасные люди. При всех их причудах и дурачествах, при всей слабости Адама к молоденьким девицам и его сальным шуточкам насчет слабого пола Чарли был

убежден в их порядочности и знал, что они его любят, точно так же, как он любит их. Дружба превыше всего! Да здравствуют друзья!

Адам позвонил на яхту из Лондона и поблагодарил за необыкновенный отдых, а на другой день по электронной почте пришло письмо от Грея тоже со словами благодарности. К радости Чарли, их совместные путешествия год от года становились все интереснее. Они знакомились с новыми людьми, открывали для себя новые прекрасные места и все с большим удовольствием проводили время вместе. Чарли все чаще думал о том, что жизнь не так уж грустна и трагична. Не всем же бог дал найти свою половину. Зато у него есть два прекрасных друга. Так что в каком-то смысле он вознагражден за свое одиночество.

Оставшиеся две недели на яхте Чарли провел за делами, просиживая часы за компьютером. Назначал встречи, обсуждал с капитаном программу профилактического техобслуживания яхты. В ноябре команде предстоял переход до Карибского моря, Чарли с большим удовольствием поучаствовал бы в нем и сам, это был бы прекрасный способ отвлечься от всех забот. Но в этом году ему предстояло слишком много дел. Фонд выделил почти миллион долларов на недавно созданный детский центр психологической реабилитации, и Чарли должен был лично проконтролировать, как расходуются деньги. В середине сентября, покидая яхту, он уже был целиком настроен на рабочий лад. Настало время возвращаться к делам и домой – что бы это понятие ни означало. Для Чарли дом – это его квартира, офис, где он поддерживает традиции семьи и участвует в совещаниях различных советов и комитетов, встречи с друзьями, званые обеды, деловые поездки. И никого, кто бы ждал его в родных стенах. Но домой все равно надо возвращаться, невозможно вечно прятаться от действительности на борту яхты. И еще в Нью-Йорке есть Адам и Грей. Как только попадет домой, он им сразу позвонит, может, удастся вытащить их вместе поужинать. Вот к кому его действительно тянуло, они стали для него как братья, так сильно он к ним привязался. И был благодарен судьбе за то, что они у него есть.

Полет прошел спокойно. В отличие от Адама Чарли летел рейсовым самолетом. Он всегда считал расточительством заказывать самолет. Но Адам, которому приходилось летать значительно чаще, предпочитал частный самолет. Из расписания, присланного ему секретаршей Адама, Чарли знал, что тот как раз сегодня возвращается в Нью-Йорк. Перед этим он целую неделю провел в Лас-Вегасе после отдыха с детьми в Европе. Сам Адам тоже прислал ему электронное письмо с приглашением на концерт на будущей неделе. Речь шла о событии грандиозного масштаба, к которым Чарли питал слабость в отличие от Грея, который терпеть не мог пышных мероприятий. Чарли предложение заинтересовало, и он отправил ответ с обещанием прийти. Адам тут же ответил, что будет рад.

От Грея сообщения приходили редко. Чарли решил, что тот, должно быть, с головой ушел в работу и не высовывает носа из студии, ведь он целый месяц не брал в руки кисть. С Греем такое бывало, он мог исчезнуть на несколько месяцев, а потом торжественно представить новую работу, над которой долго бился. Сейчас, похоже, как раз такой случай. Надо будет на неделе ему позвонить, решил Чарли. Грей, конечно, как всегда, будет удивлен. За работой он теряет счет времени. Бывает, неделями не выходит из студии и даже забывает, какое время года на дворе. Он всегда так работает.

В Нью-Йорке было знойно и душно. Чарли прилетел к вечеру. Он быстро прошел таможню, через зеленый коридор. В аэропорту его ждала машина, и на въезде в город его в который раз поразил своей невыразительностью район Куинс. Кругом грязь, люди раздражительные, а воздух, когда он попытался открыть окно, обдал его густым смрадом выхлопных газов. Добро пожаловать на родину!

В квартире тоже было жарко. Прислуга навела порядок в доме, но воздух был тяжелым. Никаких цветов, ярких букетов, ничего живого. А как иначе – долгое отсутствие хозяина дало о себе знать. Накопившаяся корреспонденция ждала его в офисе – кроме той, что ему

переслали во Францию. В холодильнике были запасы еды, но есть ему не хотелось, а тем более что-то готовить. На автоответчике ни одного сообщения. Никто точно не знал, когда Чарли возвращается, похоже, никто и не хотел знать. Чарли вдруг почувствовал приступ острой тоски и какой-то детской обиды. Что не так с ним и его друзьями? Неужели это все, что у них есть? Неужели к такой жизни стремится Адам, когда, боясь серьезных отношений, заводит романы со студентками и хорошенькими дурочками? А Грей с его бессмысленными заботами о чужих ему женщинах? На что они рассчитывают, на что надеются? Прожита бóльшая часть жизни, а результат? Давно Чарли не чувствовал себя так одиноко, как в этот вечер.

Последние двадцать пять лет он занимается тем, что просеивает женщин, как муку, выискивая крупички несовершенства. Как мать-мартышка, высматривающая блох в шерсти своего детеныша. Конечно, он всегда находил, что искал, и получал предлог для разрыва. И вот результат: он один в пустой квартире с окнами на Центральный парк, где, держась за руки, гуляют парочки, валяются на траве и вместе любят деревьями. Надо думать, никто из них не совершенен. Так почему их всех это не смущает?! Почему в его жизни все должно быть идеально и почему его не устраивает ни одна женщина? Двадцать пять лет прошло, как умерла его сестра. Тридцать – как погибли в Италии родители. И все эти годы он стоит на страже своей образцовой жизненной крепости, с неослабевающей бдительностью отбивая атаки столпившихся у ворот варваров. Сам того не желая, он все чаще задавал себе вопрос: не пора ли впустить кого-то из них внутрь? Как бы это его ни страшило, быть может, это и есть выход?

Глава 5

Несмотря на решение выдержать приличную паузу, Грей позвонил Сильвии вечером первого сентября, в тот же день, когда вернулся в Нью-Йорк. Из-за свободного праздничного Дня Труда был длинный уик-энд, и Грей волновался, что Сильвия уехала куда-нибудь. К счастью, она оказалась дома, и он вздохнул с облегчением. Она удивилась его звонку, и на какой-то миг Грей засомневался, стоило ли вообще звонить ей.

– Ты занята? – спросил он. Голос ее звучал рассеянно, казалось, она была не рада его слышать.

– Нет. У меня на кухне трубу прорвало. Ума не приложу, что теперь делать. По случаю праздников у сантехника выходной.

– А управляющему звонила?

– Да, но у него сегодня жена рождает, а сантехник сказал, что придет не раньше завтрашнего вечера, причем за двойную плату, поскольку выходные. Сосед снизу уже звонил. У него с потолка капает. – Сильвия была в отчаянии, Грей явственно различил знакомые нотки. Женщины в бедственном положении – это был его конек.

– А что случилось? Почему это произошло? – Грей не очень разбирался в сантехнике, но самое общее представление о том, как что работает, он имел. А вот что точно было Сильвии не под силу, так это ремонт труб.

– Вообще-то, – она смущенно хмыкнула, – я уронила в мойку кольцо и попробовала разъединить колено, пока оно не проскочило в трубу. Кольцо-то я спасла, но что-то сорвалось, и у меня не получилось быстро поставить все на место. И вот теперь вода хлещет, а я не знаю, что делать.

– Бросай эту квартиру. И тут же найди себе новую, – посоветовал Грей, и Сильвия рассмеялась.

– Спасибо, ты мне очень помог. А я думала, ты специалист по спасению терпящих бедствие. Вот так помощник!

– Я специалист по невротичным женщинам, а не по водопроводным трубам. Ты для меня слишком нормальная. Ищи себе другого помощника. – Тут ему в голову пришла идея получше. – Хочешь, я сейчас приеду? – Он десять минут как прибыл из аэропорта. Даже почту просмотреть не успел, сразу прошел к телефону и бросился звонить Сильвии.

– Я так понимаю, ты тоже не знаешь, как это исправить. А еще я ужасно выгляжу, никому не могу показаться на глаза. – Сильвия с утра засела за бумаги, а потом решала кроссворд в «Санди таймс». Это был один из тех дней, когда нет никаких серьезных дел и можно было не приводить себя в порядок. Иногда бывает приятно остаться в городе, в то время как все за городом, знакомые разъехались, хотя к концу дня ей обычно уже надоело одиночество, хотелось с кем-то поговорить. Поэтому звонок Грея ее обрадовал, несмотря на экстремальную ситуацию.

– У меня тоже тот еще вид, я только что с самолета. А кроме того, я уверен, что ты наверняка на себя наговариваешь. Ты ни при каких обстоятельствах не можешь выглядеть ужасно. Давай договоримся так: ты займешься собой, а я – твоей трубой.

– Сумасшедший! – рассмеялась Сильвия. Настроение у нее заметно поднялось. – Я тебе так скажу: если починишь трубу, я угощу тебя пиццей. Или китайское что-нибудь закажем. Как захочешь.

– Спасибо, я поел в самолете. Готов помочь тебе бескорыстно. Сейчас только переоденусь, и через десять минут я у тебя. Ты там держись!

– Ты уверен, что сможешь приехать?

– Уверен.

Это был, пожалуй, удачный вариант – ни ожидания, ни подготовки, ни неловкости первого свидания. Грей торопливо побрился, сменил рубашку и через десять минут вышел.

Сильвия по моде последних лет занимала чердачный этаж в доме в Сохо – то, что называется лофтом. Дом был реконструирован и выглядел шикарно. Все помещение было оформлено так, что развешанные повсюду картины смотрелись весьма выигрышно. Это были работы художников, которые представляла ее галерея. В личной коллекции Сильвии были картины нескольких выдающихся художников, мгновенно приковавших внимание Грея. Обстановка ее жилища свидетельствовала об отменном вкусе хозяйки.

Сильвия тоже успела привести себя в божеский вид. В футболке, джинсах и босиком, она встретила его искренней улыбкой, обняла и оглядела с ног до головы.

– Что-то ты не похож на сантехника!

– Я не успел найти свой рабочий комбинезон. Придется тебе смириться с моим видом. Ты воду перекрыла? – спросил Грей, и Сильвия повела его на кухню, которая была отделана черным камнем и хромом. Красивая кухня, причем, как сказала Сильвия, такой дизайн она придумала сама.

– Нет, – растерянно произнесла она. – Я не знаю, как.

– Ладно, – проворчал Грей и нырнул под раковину. Вода хлестала мощной струей, заливала шкафчик под мойкой, на полу лежали мокрые тряпки и полотенца. Грей опустился на колени и стал искать вентиль, потом попросил у Сильвии разводной ключ. Она дала ему инструменты, и в следующую минуту вода была перекрыта. Проблема была решена, во всяком случае – на данный момент. Грей выполз из-под мойки, улыбаясь во весь рот, с насквозь промокшими джинсами.

– Ты гений! Спасибо тебе, – ликовала Сильвия. – Ой, да ты весь мокрый! Сейчас дам сухие джинсы. Хотя это и неприлично – снимать с тебя штаны на первом же свидании. Я, конечно, скорее теоретик, но, по-моему, так не делают. Давай закроем глаза на этикет? Снимаю джинсы, я суну их в сушилку. Сейчас полотенце принесу. Пиццу-то будем заказывать? – Она вернулась с махровым полотенцем, большим и пушистым, показала, где гостевая ванная, чтобы он мог переодеться. Через несколько минут Грей вышел с джинсами в руках, обмотанный полотенцем по пояс. Он выглядел нелепо и трогательно.

– Чувствую себя идиотом, – пробормотал он, смущаясь, – но в трусах было бы еще хуже. – Сильвия засмеялась и проводила его в гостиную. Гостиная у нее была необъятная, со множеством скульптур и картин. Это было вроде запасника для хранения произведений искусства. Грей переводил изумленный взгляд с одной работы на другую. – Вот это да! У тебя тут кого только нет!

– Много лет собираю эту коллекцию. Есть что детям оставить.

Меньше всего Грей был готов сейчас вспоминать про детей Сильвии. В его взрослую жизнь дети никак не встраивались. Во-первых, Грей всегда опасался связываться с женщинами с детьми. Но Сильвия в этот ряд никак не помещалась. Она во всем была не такая, как другие женщины, которых он до этого знал. Может, и дети у нее особенные? Но что ему до ее детей – это не его дети. Грей панически боялся иметь дело с детьми, он не знал, как себя с ними вести. Конечно, ничего хорошего в этом не было, Грей понимал, что он очень потеряет в глазах Сильвии, если признается в своих страхах.

– А где они? – спросил он озабоченно. Сильвия заметила его тревогу и развеселилась.

– В Европе. Они там живут, если помнишь. Сын – в Оксфорде, дочь – во Флоренции. Домой раньше Рождества не приедут.

– Как завершился твой отпуск? – поинтересовался он, когда Сильвия вернулась из кухни.

– Отлично. А вы? Повеселились? – Она устроилась на диване, он – в огромном кожаном кресле напротив. Босиком, в джинсах, Сильвия была необыкновенно хороша. Грей был

счастлив ее видеть, он уже давно не испытывал такой чистой радости. Он успел соскучиться. Когда он понял это, то даже испугался. Он ее едва знает, но все последние дни путешествия думал о ней ежечасно.

– Только не я, – честно признался Грей. – Нет, вообще-то, – уточнил он, – было неплохо, но с вами в Портофино и на Сардинии – это было чудесно. После вашего отъезда я все время о тебе думал.

– Я тоже о тебе думала, – созналась Сильвия. – Я рада, что ты вернулся. Честно говоря, я не ожидала, что ты мне так скоро позвонишь.

– Я и сам не ожидал. А вообще-то, нет, ожидал. Я знал, что позвоню тебе, как только вернусь.

– Спасибо за откровенность. Кстати, ты какую пиццу будешь?

– А ты какую любишь?

– Любую. Пепперони, песто, с фрикадельками.

– Я тоже, – сказал он, не сводя с нее глаз. Дома Сильвия была совсем другой – незнакомой и вместе с тем такой родной и близкой.

– Тогда закажу ассорти, только без анчоусов. Терпеть их не могу, – сказала Сильвия и вышла из комнаты. Она пошла проверить сушку, вернулась с его джинсами и протянула их ему: – Одевайся. А я пока сделаю заказ. Еще раз спасибо, Грей, что спас меня от потопа.

– Я тебя не спас, – уточнил он, – я просто перекрыл воду. Во вторник обязательно вызови водопроводчика.

– Хорошо, – Сильвия покорно кивнула, а Грей скрылся в ванной с джинсами в руках. Выйдя, протянул ее сложенное полотенце. Сильвия удивленно подняла на Грея глаза.

– В чем дело? Что-то не так? – недоуменно спросил Грей.

– Почему ты его не бросил в ванной? Я думала, мужчины всегда так делают.

– Хочешь, я вернусь в ванную и кину полотенце на пол? – предложил он, но Сильвия покачала головой и пошла звонить в пиццерию. Сделав заказ, она предложила Грею вина. У Сильвии всегда в доме было несколько бутылок превосходного калифорнийского, и одну она сейчас открывала. Это было отличное шардонне.

Сильвия достала бокалы, и Грей разлил вино. В гостиной они сели на диван совсем близко друг к другу. Грею одолевало желание протянуть руку и обнять ее, но он чувствовал, что еще не время. Неловкость, которую оба они ощущали, витала в воздухе.

– Знаешь, Сильвия, ты меня удивила гораздо больше, чем я тебя этим полотенцем, – произнес Грей. – Другая женщина на твоём месте из-за этого потопа билась бы в истерике, кричала бы о том, как судьба к ней несправедлива, какая она несчастная, кляла бы сантехника, праздники – словом, разорялась бы по полной программе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.